

XLIII г.

г. XLIII

№ 1

1912

Выходитъ ежедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 7-го января 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

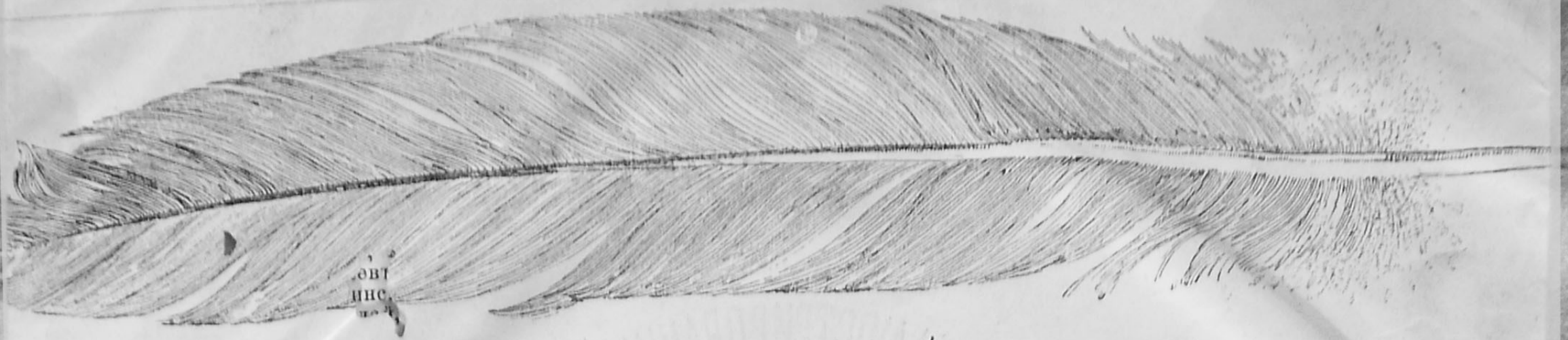
Цѣна этого №—25 к. съ перес. 30 к.

Къ этому № предлагается: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за Январь 1912 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Январь 1912 г. съ 54 рис. и отдѣлн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. величину и 50 рис. дамскихъ рукодѣлій, 3) ОТРЫВНОЙ (ЕЖЕМѣСІЧН.) КАЛЕНДАРЬ на 1912 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Н. Самокищъ. Плакатъ „Нивы“ на 1912 г.

Талантъ погибаетъ.

Разсказъ Скитальца (С. Г. Петрова).

I.

Атаманша воровской шайки и приѣмщица краденаго, державшая „для отвода глазъ“ нахлѣбниковъ, почтенная Александра Егоровна вошла въ залу, снимаемую у нея регентомъ изъ собора. „Зала“ была прибрана и обставлена въ ея мѣщанскомъ вкусѣ: вѣнскіе стулья чинно стояли вдоль стѣнъ, трактирное „трюмо“ украшалось вышитымъ полотенцемъ, овальный столъ

вязаной скатертью. Въ углу—большой окованный жестью сундукъ, а рядомъ—большая деревянная кровать.

Александра Егоровна мелькомъ оглянула себя въ зеркалѣ. Никто бы не далъ ей ея пятидесяти лѣтъ: фигура у нея могучая, лицо круглое, щеки красныя, руки толстыя, сильныя. Александра Егоровна вспомнила, какъ она недавно „смазала“ вора Сережку-Гармониста за грубость въ ухо кулакомъ, „развернувшись по-мужички“, такъ, что здоровый парень кубаремъ скатился внизъ по лѣстницѣ. Александра Егоровна осталась довольна собой и улыбнулась: со всякимъ человѣкомъ нужно имѣть свое обращеніе: вору—дѣры, а здѣсь—регентъ и сотрудникъ газеты.

Она прислушалась къ двери смежной комнаты: тамъ жилъ фельетонистъ Метеоръ, Алексѣй Андреичъ, человѣкъ извѣстный всему городу, бываетъ въ хорошемъ обществѣ, а у самого-то, прости Господи, и костюма-то нѣтъ порядочнаго: чтѣ заработаетъ—то и пропьетъ со всякими, всю недѣлю путается, а пишетъ только по пятницамъ, когда ужъ надо фельетонъ подавать. Чуть-чуть едва вытрезвится къ пятницѣ, засядетъ съ утра и весь-то день до самой ночи пишетъ и не ѣстъ въ этотъ день ничего. Сидитъ фельетонъ—и опять поминай, какъ звали. Горитъ, какъ свѣчка съ двухъ концовъ. А ну-ка, сколько за нимъ долгу?

Александра Егоровна вынула изъ кармана юбки записную книжку, исписанную безграмотными каракулями, ей одной понятными, помуслила карандашъ и шопотомъ стала подсчитывать.

Чтой-то больно тихо тамъ у него. Ужъ дома ли? Должонъ бы дома быть: въ аккуратъ нынче пятница—рабочій день. Кабы не шло, да писалъ бы каждый день—сколько бы денегъ зарабатывалъ! Вѣдь вотъ одинъ день пишетъ—и сразу рубликъ на двадцать настроичить... Такъ нѣтъ, лѣнится,—ляжетъ и смотритъ въ потолокъ, а если придетъ кто, и прощай фельетонъ. Ужъ я по пятницамъ-то его сама караулю: ни одного пса не допускаю, а то вѣдь въ субботу безъ гонорара останусь. Ужъ это какъ разъ. А ну-ка, чтѣ онъ тамъ дѣлаетъ? Вѣдь за нимъ по пятницѣ день семьдесятъ два рублика съ полтиной...

Александра Егоровна тихонько отворила половинку двери, просунула голову въ комнату жильца и ласковымъ голосомъ спросила:

— Пишете?

Жилецъ не отвѣчалъ. Онъ сидѣлъ спиной къ двери въ маленькой узкой каморкѣ въ одно окно за небольшимъ столикомъ, приткнутымъ къ стѣнѣ—и писалъ. Видно было только его спину въ синевой рубахѣ и голову съ лохматыми длинными волосами.

Не получивъ отвѣта, Александра Егоровна отворила дверь, встала у порога, заглянула въ комнату и заговорила въ стѣну: „Много ли написано? Дать бы исписать короткими строчками съ хвостикомъ, вѣро поэтъ быстро быало по бумагѣ.“

Тогда Александра Егоровна выхватила свою толстую записную книжку, встала въ плечо жильца и шопотомъ стала читать строчки:

— Разъ, два, три, четыре... восемь... шестнадцать... тридцать два... двѣ...

Жилецъ быстро обернулся, откинувъ со лба длинныя волосы. Лицо его было блѣдное, худое, съ тонкой кожей, глазами въ очкахъ и клочкомъ бороды на остромъ кончикѣ. Вся фигура его была длинная и сухая, какъ у Донъ-Кихота. Минуту онъ нахмурился, но потомъ вдругъ улыбнулся рукой по волосамъ.

— Фу,—вздыхнулъ онъ:—вы мнѣ мѣшаете, Александра Егоровна.

— Работайте, работайте,—привѣтливо сказала хозяйка:—я вамъ не мѣшаю,—только строчки сосчитала.

Стоя въ дверяхъ и не думая уходить, она продолжала благодарно:

— Вѣдь вы мнѣ сколько должны-то, Алексѣй Андреичъ, вотъ хоть сами посмотрите въ книжку: каждый день занимаю двугривенный на извозчика, да по рублю на пропой, да за комнату, а каждую субботу, какъ получите голубицу, да за половину пропѣте. Да гдѣ тамъ,—и половины не доплатите.

Поэтъ улыбнулся.

— Вся причина въ томъ,—возразилъ онъ:—что удивительно кабачистыя. Отъ редакціи сюда верстать; пока идешь—сколько препятствій на дорогѣ! Иной разъ только къ утру до дому доберешься, да домой. Самъ я—вѣрьте совѣсти—человѣкъ въ глубинѣ пьющій, но—пріятель. А я если и пью съ ними, то изъ деликатности.

Александра Егоровна размѣялась:

— Знаю я вашу деликатность.

Она покачала головой, вздохнула и добавила:

— Погляжу я на васъ, какіе вы, Алексѣй Андреичъ, а еще учены. Ей-Богу, правда.

Поэтъ удивленно взглянулъ на хозяйку:

— А чтѣ?

— Да коли у васъ такой характеръ слабый, то мнѣ довѣренность—я и буду сама получать изъ редакціи,—только и всего.

— Въ самомъ дѣлѣ. Это идея.

— Конечно. А если вамъ спонадобится на вывозку извозчика ли, или еще тамъ на что—я вамъ буду выдавать. Все таки меньше пропѣте на выдачкѣ-то.

Александра Егоровна засмѣялась легкимъ дѣшнымъ смѣшкомъ.

— Хорошо, хорошо, только не мѣшайте мнѣ себѣ.

— Да вѣдь я же не мѣшаю,—удивилась Александра Егоровна и, удаляясь изъ комнаты, затворила за собой дверь.—Работайте, работайте,—слышался ей голосъ за дверью.

Она вздохнула и тяжелой походкой удалилась въ комнату. Поэтъ принялся было за продолженіе стихотворенія, но строеніе измѣнилось: работать больше не хотѣлось. Писанное. Показалось все это скучнымъ, слабымъ смѣшными.

Онъ прошелся по своей крохотной комнатѣ и легъ лицомъ на кушетку, замѣнявшую ему кровать. И долго думалъ о томъ, какъ бы ему жить.

Онъ сѣлъ и заговорилъ съ собой. Она казалась ему такой счастливой, заданной сколько-нибудь приличными людьми. Вѣдь онъ одиночество, илѣнство, и такое смѣшное, что онъ не могъ бы въ какой-то вѣтхавъ жизни. Тогда, несмотря на массу

свободнаго времени, ему оставалось очень мало свободныхъ минутъ для занятій: цѣлый день надоѣдали хозяйка, сосѣдн-жилыцы, какіе-нибудь посѣтители, а ночью приходили „отсыпаться“ пьяные пріятели. Утромъ по правиламъ гостепріимства онъ долженъ былъ ихъ опохмелять, а они такъ хорошо себя чувствовали вдали отъ своихъ женъ и дѣтей, что готовы были сидѣть у него цѣлый день. И у него не хватало характера избавиться отъ нихъ. За компанію съ ними, по образовавшейся привычкѣ „изъ деликатности“, пилъ съ ними и онъ—и вотъ серьезныя занятія литературой становились невозможными, затхлая обывательская жизнь насильно втягивала его въ свою трясицу, всевозможные люди предъявляли на него какія-то права, сдѣлали его своимъ собутыльникомъ, и онъ спивается изъ какой-то непростительной деликатности... Какая гадость...

А между тѣмъ онъ хотѣлъ бы для себя иной жизни: общества трезвыхъ, умныхъ людей, музыки, свѣта, женской любви...

И онъ началъ мечтать о любви...

Когда онъ открылъ глаза — передъ нимъ стоялъ его пріятель, кузнецъ Федоръ, вклокоченный мужчина съ черной бородой и въ красной рубахѣ безъ пояса.

— Алеша, спишь?—громко заговорилъ кузнецъ и дохнулъ на него перегаромъ.

— Нѣтъ, какого чорта... фельетонъ у меня... мѣшаютъ все...

— Ахъ, да, вѣдь нынче пятница у тебя... Ну, я не стану мѣшать. Нѣтъ ли у тебя на полбутылку, опохмелиться страсть хочется, а денегъ ни шиша.

— Ничего нѣтъ,—устало отвѣчалъ Алеша.—Есть протодьяконскіе двугривенные, да вѣдь они не годятся.

— Дай-ка, я посмотрю.

— Посмотри въ столъ.

Кузнецъ отодвинулъ ящикъ стола, запустилъ туда здоровенную кузнечную лапу и вытащилъ горсть двугривенныхъ, согнутыхъ въ трубочку.

— Экая сила у протодьякона, ему бы въ циркѣ цѣпи рвать.

— Да, онъ всегда, какъ напьется, вынетъ двугривенный, скрутитъ его между пальцами и даритъ мнѣ на память. Вонъ сколько надарилъ.

— А мы раскрутимъ, — сказалъ кузнецъ, разминая двугривенный пальцами и потомъ распрямляя крѣпкими бѣлыми зубами.

Онъ „раскрутилъ“ три двугривенныхъ, сунулъ ихъ въ карманъ, а остальные бросилъ въ ящикъ. Алеша Метеоръ смотрѣлъ на дѣйствія кузнеца и качалъ головой.

— Экіе черти!—сказалъ онъ.—Тебя бы тоже въ циркѣ...

— Ничего. Мнѣ хорошо и въ кузнецяхъ. Ну, одначе побѣгу въ кабакъ. Не пойдешь со мной?

— Да вѣдь самъ знаешь, что пятница.

— Вѣрно, вѣрно. Ну, пиши.

Кузнецъ нахлобучилъ замащенный картузь, крѣпко пожалъ руку поэта, хлопнулъ дверью и загромыхалъ сапожищами по лѣстницѣ.

Едва онъ ушелъ, какъ явился регентъ. Это былъ молодой человекъ въ резиновыхъ калошахъ на босую ногу, въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, заправленной въ широкія старыя брюки, съ круглой коротко-стриженной головой и одутловатымъ лицомъ.

Въ рукѣ у него былъ листокъ нотной бумаги.

— Пишешь?—спросилъ онъ хрипатымъ искусственнымъ баскомъ.—Я, братъ Алеша, тоже творчествомъ занимаюсь. Вотъ написалъ вещь, послушай-ка...

И регентъ, дирижируя правой рукой, а въ лѣвой держа листокъ, вполголоса зацѣлъ теноромъ:

На волнахъ рѣки бурливой...

Видѣнь пар-русъ...

Потомъ перешелъ въ басъ:

Парусъ челнока.

И опять теноркомъ:

Понеси насъ въ путь счастливый...

Волга ма...

И снова подхватилъ басомъ:

М-матушка рѣка...

Потомъ нѣкоторое время, молча дирижируя, помахалъ рукой и пояснилъ слушателю:

— А тутъ мальчики поютъ.

Литераторъ тоскливо слушалъ композитора, озабоченный своими мыслями.

— Хорошо-то оно, хорошо,—сказалъ онъ, выслушавъ музыкальное произведеніе:—только на церковное похоже...

Регентъ вздохнулъ, свернулъ ноты и небрежно сунулъ ихъ въ карманъ штановъ.

— Да,—согласился онъ:—я и самъ это чувствую, да никакъ не могу отрѣшиться отъ духовнаго. Мнѣ надо бросить регентство и пойти на сцену. Сначала хоть въ хоръ, потомъ, конечно, буду хормейстеромъ, а тамъ и въ дирижеры попаду... Тогда...

Регентъ началъ мечтать въ слухъ.

Хрипчатый голосъ его звучалъ душевной теплотою, и когда онъ близко наклонился къ другу, то слышенъ былъ запахъ свѣжевыпитой водки.

Поэтъ вздохнулъ.

— Но главное, что меня убиваетъ,—продолжалъ регентъ:—это невѣріе! Не вѣрю я себѣ! Въ себя нѣтъ вѣры! Водили меня когда-то къ Главачу—онъ мнѣ сказалъ: „если можете бросить и не писать—лучше бросьте!“ И вотъ—писать все еще хочется, а не вѣрю я, что изъ меня что-нибудь выйдетъ. Черезъ это самое и пьешь.

Помолчали.

— Вотъ тебѣ я завидую!—хрипѣлъ регентъ.—Нравится мнѣ эта твоя самоувѣренность! Вѣдь ты надѣешься пробиться въ журналы?

— Да,—лѣниво отвѣтилъ поэтъ:—въ этомъ я увѣренъ! Что жъ тутъ особеннаго?

— Ну, вотъ видишь. У тебя, конечно, талантъ, но вѣдь и таланта мало... Нужна вѣра, смѣлость, а вотъ этого-то у меня и нѣтъ. Пишу и рву, пишу и рву... А ты какъ пишешь?

— Я—какъ видишь: надо написать—и пишу. Не примуть—пишу еще,—только и всего.

— Вотъ видишь, какой ты!—съ завистью воскликнулъ регентъ:—ты выбьешься. Съ тобой поговоришь—какъ будто силы наберешься. Сочный ты... Пойдемъ въ кафедралку,—неожиданно добавилъ регентъ.

Поэтъ вздохнулъ:

— Лучше не соблазняй. Пива до смерти хочется, въ кафедралкѣ посидѣть люблю, а фельетонъ не конченъ,—писать мѣшаютъ. Проваливай-ка, братъ, и ты отъ меня. Надо кончить. Немного осталось...

Въ дверь постучали.

— Алексѣй Андреичъ, вы дома?—прозвучалъ нѣжный женскій голосъ.

Метеоръ ветрепенулся.

— Дома, дома,—откликнулся онъ, отворяя дверь и выходя въ залу.

Воротъ рубахи у него былъ разстегнутъ, волосы взлохмачены. Въ залѣ стояла молодая изящная дама въ шикарной шляпѣ и модномъ платьѣ. Она съ любопытствомъ разсматривала его въ лорнетъ на черепаховой ручкѣ.

— Извините, я въ такомъ костюмѣ... работаю,—сказалъ онъ, грубовато пожимая ея длинную бѣлую руку.

— Ничего, ничего, я къ вамъ на минутку.

Она сѣла на подставленный стулъ, сложила лорнетъ и, улыбаясь, смотрѣла на него нѣжнымъ кошачьимъ взглядомъ.

— Да что вы такъ смотрите на меня?

— Любуюсь,—отвѣтила дама.

Метеоръ громко расхохотался:

— Есть чѣмъ любоваться, и не умывался нынче. Надо хоть воротъ застегнуть.

Онъ сталъ застегивать воротъ рубахи.

— Бросьте,—сказала она:—такъ лучше. Вѣдь вы—поэтъ, а я поэта перваго вижу... очень любопытно. Вы тутъ и живете? Въ этой комнатѣ работаете?

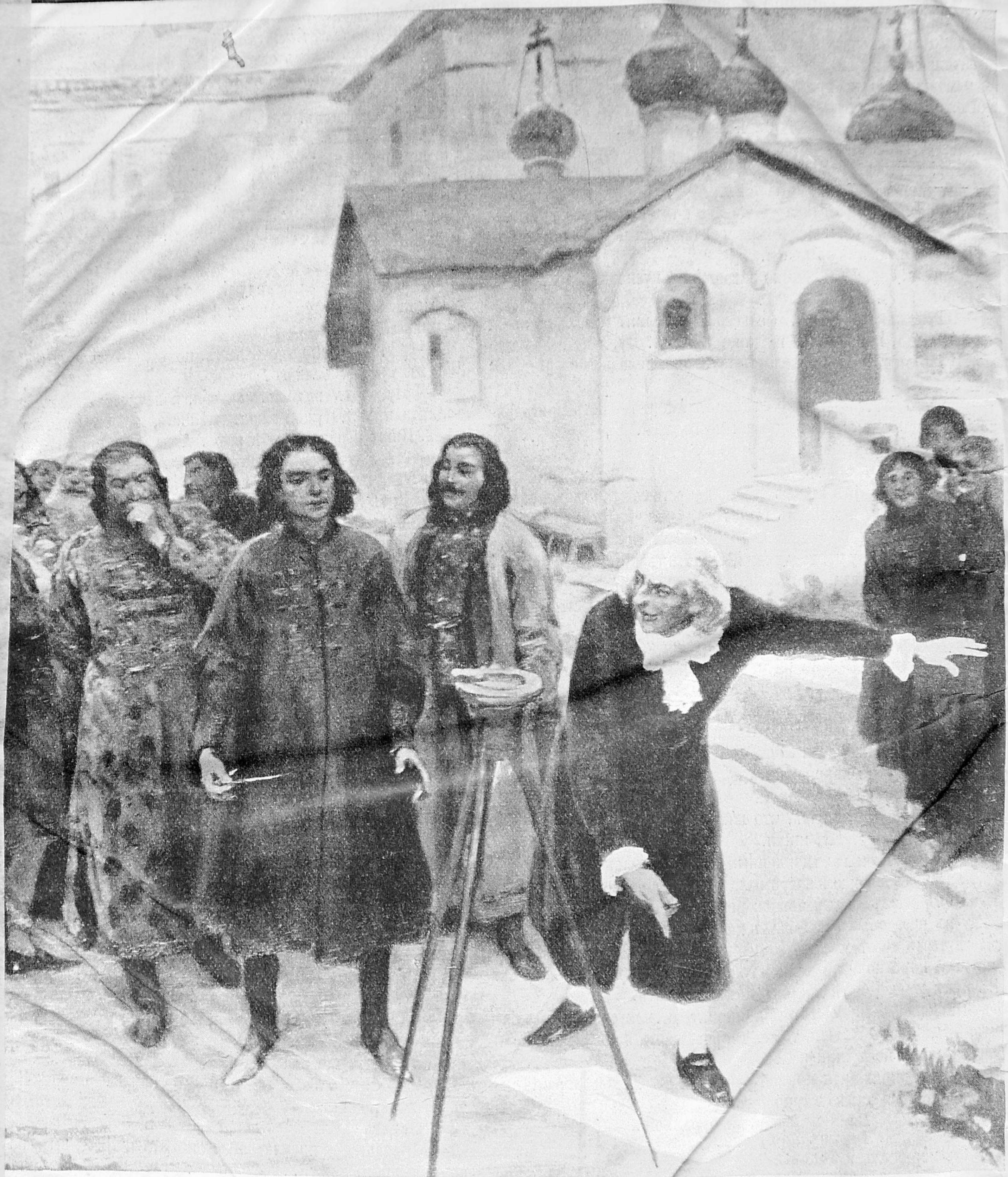
— Да, въ этой комнатѣ.

— Какъ у васъ уютно... Я думала... Откуда тутъ можетъ взяться фантазія, вдохновеніе,—удивительно. И какъ это вы можете вообще писать? Вѣдь все уже давно написали.

— То-есть, какъ это?

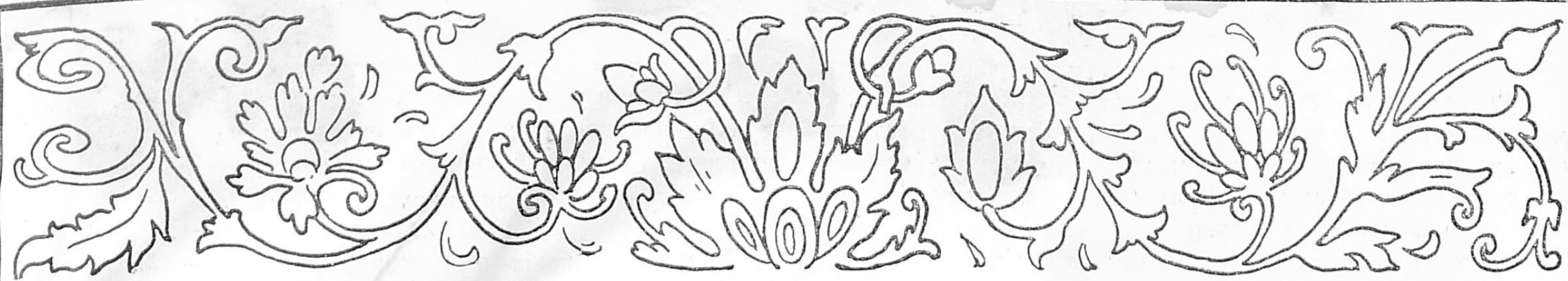
— Ну, были Тургеневъ... Толстой... и другіе... они все и написали... Какъ же это можно писать... послѣ нихъ?..

— Ахъ, вотъ что. Ну, вѣроятно, можно писать и послѣ нихъ...

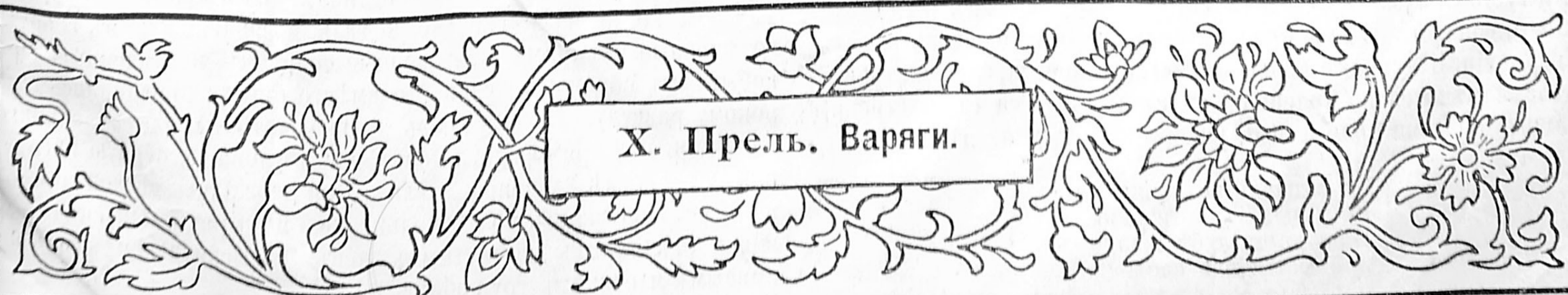

К. Лебедевъ.
Царевичъ Петръ.

Х. Прель. Варяги.

— Молодец вы... смѣльчакъ... Любуюсь вами... Пишите. Я вамъ помѣшала. Я сейчасъ уйду... Я къ вамъ только затѣмъ, чтобы пригласить васъ... въ гости: въ будущую субботу мы все соберемся у Ивана Ивановича... Приходите и вы... мы все просимъ. Ну, до свиданія, я спѣшу.

Дама встала. Метеоръ опять пожалъ ей длинную руку. Шурша платьемъ, она опять вынула лорнетъ на черепаховой ручкѣ, еще разъ оглянулась, кивнула и направилась къ двери. Метеоръ проводилъ ее до порога.

Послѣ нея остался нѣжный и сладкій запахъ.

— Тьфу,—сказалъ регентъ:—изъ высшаго общества?..—И прищурилъ глазъ.

— Мадамъ Трынъ-Трава,—недовольно отвѣтилъ Метеоръ:—жена сотрудника Трынъ-Травы. Литературная дама.

Въ это время у дверей коридора послышались разомъ нѣсколько мужскихъ голосовъ, какая-то возня, топотъ ногъ и звонкій голосъ хозяйки:

— Нѣтъ его дома, говорятъ вамъ, не пушу, нечего тутъ вамъ дѣлать!

— А вотъ мы пос-смотримъ,—гудѣли голоса:—долженъ быть дома,—потому—пятница.

— Ахъ, вы, шарамыжники. А еще чиновники. Да я вамъ все ваши золотыя пуговицы оборву.

— Ха. Наивная женщина. Да за каждую мою пуговицу, если ее сорвать, три года арестанскихъ отдѣленій. Если все оборвешь—просидишь въ тюрьмѣ весь остатокъ твоей несчастной жизни,—угрожалъ кто-то гудящимъ голосомъ при общемъ смѣхѣ другихъ голосовъ.

— Удѣльные.—весело ухмыляясь, прохрипѣлъ регентъ.

Метеоръ встревожился. Онъ быстро надѣлъ тужурку, схватилъ шляпу, сунулъ недописанную рукопись въ боковой карманъ, растворилъ окно и вскочилъ на подоконникъ, намѣреваясь броситься внизъ.

— Дратья буду,—визжала за дверью Александра Егоровна.

Метеоръ совсѣмъ уже приготовился выпрыгнуть въ окно, какъ ужъ чья-то могучая длань схватила его за шиворотъ.

— Остановись, несчастный,—театрально продекламировалъ высокій и толстый человѣкъ въ форменномъ пальто съ золотыми пуговицами, съ бритымъ красивымъ лицомъ и длинными бѣлокурыми кудрями.

Метеоръ невольно улыбнулся и рѣшилъ покориться: человѣкъ все еще держалъ его за шиворотъ.

— Толстый,—сказалъ онъ:—Илья, ты опять...

— Пью и веселюсь,—отвѣтилъ Толстый, подталкивая пріятеля къ выходу.—Регентъ, присоединяйся, идемъ внизъ, поворачиваемся въ дурномъ обществѣ, посѣтимъ вертепъ Венеры Погребальной...

Въ сѣняхъ Метеора подхватили подъ руки четыре человѣка не совсѣмъ трезвыхъ „удѣльных“. Внизу слышался гамъ кутежа.

— Господа, сейчасъ отъ него только-что вышла мадамъ Трынъ-Трава... Мы этого больше не допустимъ,—ораторствовалъ Толстый.

— Не допустимъ,—шумѣли пьяные.

— Да подите вы ко всемъ чертямъ пожалуйста,—бился въ ихъ рукахъ Метеоръ.

— Не допустимъ, не пара она тебѣ.

— Бонтоная. Тонкая. Куда тебѣ.

— Врешь, братъ, ничего у тебя съ ней не выйдетъ.

— Гонорару не хватитъ...

— И въ роскошный чертогъ... къ сильнымъ міра, поэтъ, не ходи ты...

Метеора втолкнули въ низенькую дверь подвального этажа.

Тамъ шла кутерьма.

Въ густомъ туманѣ отъ табачнаго дыма двигались и галдѣли какія-то фигуры. Какой-то рыжій парень оглушительно игралъ на гармоніи. На спинкѣ большого мягкаго кресла, какъ на тронѣ, сидѣла замѣчательно красивая смуглая дѣвушка съ растрепавшимися черными волосами и, раскрывая объятія, пѣла:

Не вздыхай-ка, душа-Маша,
Не вздыхай-ка тижало...
Если друга тебѣ жалко—
Забывать надо ево...

Свирѣлый голосъ ее выдѣлялся изъ общаго гама, заунывно и надрывно звенѣлъ и вдругъ опускался на низкія контральтовые ноты, словно аккомпанируя мотиву:

Если друга тебѣ жалко—
Забывать надо ево...

За столомъ какія-то подозрительныя личности пили водку изъ серебряныхъ чарокъ. На полу валялись раскрытые тюки суконъ и шелковыхъ матерій. Столъ былъ уставленъ бутылками и обильной закуской. Воры пировали послѣ удачнаго „дѣла“.

Я тогда его забуду,
Когда скроются глаза..

Страстно звенѣлъ голосъ пѣвицы:

Уста кровью запекутся—
Милъ не станетъ цѣловать...

И опять сильно, какъ віолончель, съ надрывомъ, зарыдала на низкихъ нотахъ:

Уста кровью запекутся—
Милъ не станетъ цѣловать...

Она была возбужденно-пьяна и пѣла вдохновенно, закинувъ красивыя руки за голову и поворачивая прелестное лицо свое въ одну, то въ другую сторону, какъ бы умоляя о вниманіи:

Бѣлы руки разоймутся...
Перестанутъ обнимать...

Рыжій гармонистъ съ серебряной серьгой въ ухѣ наклонилъ ухо къ гармоніи, и гармонія словно выговаривала за нею:

Перестанутъ обнимать...

А кругомъ стоялъ гамъ и говоръ.

Въ углу какая-то косая женщина яростно ругала плюгавенькаго человѣчка въ потертомъ сюртукѣ, съ бритымъ алкоголическимъ лицомъ и пьянаго, хоть выжми.

— Ты рази мужъ мнѣ? Какой ты мужъ! Чтò ты мнѣ приносишь изъ клуба? Только слава, что лакей, а ты просто опоецъ-пьяница. Только морду мочишь. А кто дѣтей кормитъ и тебя вмѣстѣ съ ними? Я кормлю. Я, воровка, кормлю всехъ васъ! Не годяй ты!

— Ты мнѣ душу-то...—бормоталъ пьяный лакей, бія себя въ крахмальную грязную сорочку обоими кулаками:—душу ты мнѣ... всю... душу...

— А наплевать мнѣ на твою душу!—съ необыкновенной энергіей вскричала женщина съ бѣльмомъ на глазу. Это бѣльмо придавало ей лицу какой-то странно-загадочный видъ.

— Ты мнѣ душу-то... душу... всю мою душу...

Я сама садикъ садила,
Сама буду поливать...

рыдало густое контральто пѣвицы. Гармонія пѣла дрожащими звуками. Гармонистъ все ниже наклонялъ ухо съ блестящей серьгой.

— Мы не воры. Ай, не воры мы!—гудѣли пьющіе за столомъ.—Мы по Волгѣ-матушкѣ рыболовы... по ярманкамъ ѣздимъ, красивымъ товаромъ торгуемъ...

— Мѣщане мы. Выпей, баринъ, съ нами, съ мѣщанами...

Отъ всей компаніи еще вѣяло стариннымъ волжскимъ разбоемъ, дикостью и шириной.

Я сама друга любила,—
Сама буду забывать...

выплывалъ изъ общаго гула хватающій за сердце голосъ пѣвицы. „Удѣльные“ были здѣсь старыми знакомыми. Они все уже сидѣли за столомъ и пили изъ серебряныхъ чарокъ съ „мѣщанами“.

Толстый и его товарищи, удѣльные землемѣры, загорѣлые, обвѣтренные, только-что возвратились съ тяжелой межевой работы въ непроходимыхъ лѣсахъ и безотрадныхъ степяхъ. Тамъ они спали на голой землѣ вмѣстѣ съ рабочими, рубили деревья, жарились подъ солнцемъ, мокли подъ дождемъ, питались кое-чѣмъ, и когда на нѣсколько недѣль возвращались въ городъ, извѣденные комарами, обожженные солнцемъ, истомленные первобытнымъ образомъ жизни, то вмѣсто отдыха предавались широкому разгулу. Такъ гуляютъ только матросы послѣ дальняго плаванія, или приморскіе рыбаки послѣ улова въ бурную погоду, или воры послѣ удачнаго „дѣла“. Они держались тѣсной компаніей, не разлучались по нѣскольку дней подъ рядъ, искусно скрываясь отъ своихъ несчастныхъ женъ, разыскивающихъ ихъ по пивнымъ и всякимъ труппамъ.

Толстый, съ важностью развалился, сидѣлъ въ концѣ стола и смотрѣлъ на все происходящее въ комнатѣ съ какой-то снисходительной улыбкой, перебрасываясь иногда короткими словечками съ Метеоромъ, сидѣвшимъ рядомъ. Толстому казалось теперь лѣтъ около сорока, но бритое лицо его все еще было прекрасно какой-то особенной одушевленной красотой, рѣдко встрѣчающейся. Онъ походилъ на большого первокласснаго артиста.

Какимъ-то необыкновенно шикарнымъ, властно-барскимъ, аристократическимъ жестомъ онъ поманилъ къ себѣ лакея. Лакей тотчасъ же, нетвердо ступая, протолкался къ нему и всталъ передъ нимъ на вытяжку.

— Я тебя гдѣ-то встрѣчалъ, братецъ?..—спросилъ онъ.

— Такъ точно, Илья Николаичъ... встрѣчали. Въ гостиницѣ Летагина-съ. Я тамъ былъ Василій... А теперь служу въ коммерческомъ клубѣ-съ...

— Какъ зовутъ?

— Иванъ.

Метеоръ расхохотался:

— Какъ же это? У Летагина—Василій, а въ клубѣ—Иванъ?

— А это все равно, — пояснилъ Толстый:—какъ поется въ опереткѣ:

Дома я зовусь Иваномъ,
А по сценѣ Флеридонъ...

И затѣмъ, отвернувшись отъ лакея и уже навсегда позабывъ о немъ, онъ наклонился къ уху пріятеля, помолчалъ немного и вполголоса прогудѣлъ:

— Отъ жены скрываюсь...

— Зачѣмъ?

— Такъ...

Толстый побарабанилъ пальцами:

— Пью и веселюсь. Вѣдь ты знаешь Таню. Красивая баба, и сердце у нея доброе, и любимъ мы другъ друга, а все-таки не понимаемъ одинъ другого. Вѣришь ли, иной разъ цѣлый день слушаю, что они тамъ со свояченицей и тещей говорятъ, и—не понимаю. Ей-Богу, цѣлый день говорятъ чепуху. А по-ихнему, это важно. И только, понимаешь ли, ночью, когда все они лягутъ спать, я встаю, зажигаю огонь, беру книгу — и тутъ начинается моя жизнь. Только ночью и живу. А днемъ долженъ я уши затыкать или бѣжать куда-нибудь, потому что не могу. И это тянется двѣнадцать лѣтъ.

Толстый опять побарабанилъ пальцами. Лицо его приняло страдальческое выраженіе.

„Какъ, должно-быть, несчастливъ этотъ человѣкъ“, —невольно подумалъ Метеоръ, смотря на его лицо.

Кругомъ продолжался прежній гвалтъ. Гармонистъ игралъ „русскую“, а пѣвица уже плясала въ присядку по-мужски.

— Ты вѣдь помнишь, какъ я женился, — продолжалъ Толстый. — Я былъ огарокъ, ницїй студентъ на границѣ босячества, Таня служила въ прислугахъ, судомойкой, кажется, была лѣтъ шестнадцати черноглазенькая дѣвчонка. И была у насъ съ ней свободная любовь за милую душу. Тутъ бы и разстаться намъ. Такъ нѣтъ. Вмѣшались въ мое личное дѣло товарищи. Представляли мы тогда изъ себя какъ бы нѣкій рыцарскій орденъ и связаны были крѣпко общею судьбой. Ну, а я тогда задумывалъ на сцену улизнуть и съ Таней разстаться. И кто знаетъ—чѣмъ бы я былъ теперь. Можетъ, изъ меня Варламовъ бы вышелъ. Э, да что я. Заврался. Вышелъ бы изъ меня Казбаръ-Чаплинскій-Супесь-Жилинъ-Ауфмерзанъ-графъ Толстой для провинціальной сцены, не больше. Да не въ этомъ теперь дѣло...

Прижали меня товарищи за выпивкой и начали исповѣдывать. „Ты, говорятъ, этого не моги. Ужъ и такъ за наше пьянство и дерзости много о насъ гадостей говорятъ, а если мы еще будемъ дѣвушекъ обольщать да бросать, то, говорятъ, это какъ разъ и окажется подтвержденіемъ всѣхъ клеветъ на наше огарческое знамя!“ Заплакалъ я. „Хорошо. Женюсь. Женюсь на зло самому себѣ, на погибель всѣмъ моимъ мечтамъ. Пусть русская сцена останется безъ Казбаръ-Чаплинскаго-Супесь-Жилина-Ауфмерзанъ-Толстого!“ „Пусть, говорятъ, чортъ съ нимъ, а дѣвицу обидать не позволимъ!“ „Да я и самъ не хочу. Люблю ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ, — черти вы!“ „Ну, и люби, говорятъ, а для вѣрности лучше бы честнымъ пиркомъ да за свадебку, Грѣхъ покрыть.“ Ладно. Свадьба была честию самая голыш-

манская: женихъ съ посаженнымъ отцемъ и съ иконой по дорогѣ въ церковь въ пивную грѣться заѣхали...

Метеоръ внимательно слушалъ разсказъ о свадьбѣ Толстаго и смотрѣлъ не на него, а прямо передъ собой: противъ него на стѣнѣ висѣла олеографія—единственное украшеніе въ комнатѣ, — изображавшая Юдию съ мечомъ въ одной рукѣ и головой Олоферна въ другой.

— Ну, вотъ и поступилъ я въ Удѣлы... Дѣти пошли: пять дочерей!.. Отъ нихъ, братъ, не уйдешь на сцену счастья искать да таланты пробовать. По службѣ я выдвинулся, и жалованье и квартира у меня приличная, а не вижу я смысла въ моей жизни. Изъ судомойки вышла мѣщанка, и—не о чемъ намъ съ нею говорить. Исторія довольно обыкновенная. Не понимаетъ жена, что я мѣста въ жизни не найду и до сихъ поръ не знаю, гдѣ бы оно могло быть. Только тѣсно мнѣ и душно и дѣлать нечего на свѣтѣ. Работу ли возьму—людямъ ея на мѣсяць хватаетъ, а мнѣ только на три дня. Ну, уйдешь изъ дому и слоняешься по пивнымъ да газеты читаешь. А жена—ревновать. Чтобы я дома съ нею сидѣлъ—возьметъ да только-что конченную и набѣло переписанную вѣдомость чернилами и зальетъ. Сяду опять—все наново сдѣлаю, лежу на кушеткѣ и день цѣлый чепуху женину слушаю. А улизнуть такъ и подмываетъ. Вотъ теперь Фомина недѣля, а на Страстной она, чтобы занять меня, говѣтъ заставила и сама говѣла. Ну, я ходилъ съ нею въ соборъ ко всѣмъ службамъ, а передъ исповѣдью перехитрилъ-таки ее: улучилъ моментъ и пропалъ изъ церкви. И до сихъ поръ она на слѣдъ мой еще не напала, и нисколько мнѣ домой въ лоно мое не хочется: пою и веселюсь!

Толстый вздохнулъ и побарабанилъ пальцами.

— А по-моему,—невеселое твое веселье!—возразилъ Метеоръ.—Чуть ли не двѣ недѣли домой глазъ не кажешь! Я думаю, Таня-то твоя какъ страдаетъ изъ-за тебя! Шель бы хоть сегодня домой-то! А?

— Въ лоно?—ни за что!

— Это наконецъ возмутительно, Илья!

Толстый молча побарабанилъ пальцами и наконецъ недовольно проворчалъ:

— „Не брани меня, родная!“

Вдругъ шумъ въ комнатѣ мгновенно утихъ. Передъ Толстымъ стояла маленькая смуглая женщина

— Таня!—вскричалъ онъ, отшатнувшись.

Таня молчала.

Станнымъ образомъ она походила на Юдию, отсѣкающую голову Олоферну. Смуглая, съ густыми черными волосами, съ яркимъ чувственнымъ ртомъ и большими жгучими глазами, она была зловѣще-хороша собой.

— Ну, вотъ!—дрожащимъ голосомъ сказала она въ наступившей тишинѣ, и голосъ ея прозвучалъ съ неестественнымъ спокойствіемъ.—Вотъ ты гдѣ! А вѣдь дома-то дѣтей на руки брать будешь!

Вдругъ она закусила нижнюю губу, неожиданно схватила со стола нераскупоренную бутылку съ пивомъ, взвизгнула и съ отчаянной силой взмахнула бутылкой надъ головой мужа.

Толстый даже не поднялъ руки, чтобы отвести ударъ, не отклонилъ головы, не шевельнулся. Казалось, ему было все равно, ударить его жена или не ударить.

Но она не ударила.

Внезапно дѣвушка, пѣвшая пѣсни, съ дикимъ крикомъ упала передъ нею на колѣни.

— Хочешь, я икону сейчасъ сыму? передъ иконой тебѣ поклонюсь? Почеваль онъ здѣсь, это правда, только ни къ одной женщинѣ не притронулся! И еще тебѣ скажу: я его соблазняла, я его разжигала, а онъ не тронулъ меня! Это меня-то? Да я мертваго разожгу, а онъ вонъ какой богатырь да красавецъ! Я ли его не улещала? Али не красива я? Али бѣлыя руки мои обнимать не умѣютъ? А онъ отказался отъ меня! Жену, говоритъ, люблю свою!—вотъ что онъ сказалъ, коли хочешь ты знать! Не тронь его, не тревожь своего сердца! Икону сыму—правду истину говорю!

Всѣ съ гвалтомъ сгрудились около плачущей Тани.

Толстый молчалъ, опутивъ голову, и не замѣтилъ, что кресло, въ которомъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ Метеоръ, давно опустѣло.

Метеоръ исчезъ.

А. Бучкури.
На Јордани.

Огромная зала „кафедралки“, уставленная бѣлыми столиками, была полна. Лакеи въ форменныхъ коричневыхъ тужуркахъ и бѣлыхъ фартукахъ едва посиѣвали разносить золотистое пѣнящееся пиво въ большихъ стеклянныхъ кружкахъ, держа ихъ цѣлыми букетами въ каждой рукѣ.

Ресторанъ гудѣлъ.

Метеоръ зашелъ въ свое любимое укромное мѣстечко за колонной, спросилъ себѣ кружку пива, перо и чернильницу, отхлебнулъ пива, вынулъ тетрадь и принялся строчить.

Онъ любилъ этотъ гулъ ресторанной толпы, создававшей ему своеобразное одиночество. Общій кабацкій гулъ равнялся тишинѣ и не только не мѣшалъ писать, но возбуждалъ нервы, давалъ просторъ фантази. Опять являлись вычурныя рюмы, сами собой выливались каламбуры. Онъ съ жаромъ перечитывалъ написанное, и ему казалось, что это написано не имъ, обыкновеннымъ скромнымъ человѣкомъ, а кѣмъ-то другимъ, незнакомымъ и большимъ, съ грустной улыбкой взирающимъ на жизнь откуда-то съ высоты. И вотъ уже явился восторгъ, и слезы навернулись на глазахъ; рождаются сильныя, проникновенныя слова, мощнымъ чувствомъ загорѣлась душа, и вдругъ неожиданнымъ разноцвѣтнымъ фейерверкомъ взвился веселый каламбуръ, разсыпался цвѣткомъ и, улыбаясь, растаялъ.

Фельетонъ былъ законченъ. И лучше всего удался конецъ. Поэтъ перечелъ его, наивно восхитился, радостно захохоталъ, поставилъ точку и съ чувствомъ удовлетворенія подмахнулъ свой постоянный псевдонимъ „Метеоръ“.

Кружка была пуста. Онъ позвонилъ и спросилъ себѣ новую.

Давно уже смеркалось. Въ ресторанѣ вспыхнули электрическія лампы, стало еще уютнѣе, тѣснѣе, многолюднѣе и шумнѣе. Не хотѣлось уходить. Вдохновеніе, вспыхнувшее въ душѣ неожиданно и случайно, требовало продолженія работы, оно еще только разгоралось и общало горѣть долго и ровно. Вдругъ всплыла въ головѣ тема для разсказа: герой, какъ живой, стоитъ передъ глазами, съ яркостью галлюцинацій подступили живыя сцены, плѣнительныя картины.

Съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими глазами сидѣлъ онъ передъ кружкой пива и мечталъ и плавалъ въ мірѣ своихъ фантазій.

— А-а,—вотъ онъ гдѣ, бѣглець презрѣнный!—рявкнулъ у него надъ ухомъ голосъ Толстаго.

Метеоръ вздрогнулъ.

Передъ нимъ стояла опять та же компанія удѣльныхъ, при чемъ на головѣ Толстаго была надѣта дамская вязаная шапочка.

— Обобранный своей квартирною хозяйкой, какъ подлый трусъ, бѣжалъ онъ отъ друзей, исчезнувъ отъ воровъ, какъ воръ черезъ окошко...

— А отчего ты самъ здѣсь въ дамской шляпкѣ?—подаль реплику Метеоръ.

— Жена моя, уйдя по магазинамъ, мой головной уборъ въ комодѣ заперла, тѣмъ думая лишить меня свободы, но, будучи неслухомъ отъ природы, я перехитрилъ тотчасъ ее...

Удѣльные загоготали, безцеремонно усаживаясь за столомъ Метеора. Лакей проворно поставилъ на столъ цѣлую батарею наполненныхъ кружекъ.

Метеоръ хотѣлъ-было встать изъ-за стола, но Толстый театрално остановилъ его:

— Ни съ мѣста, Метеоръ, иль мы съ тобой поступимъ, какъ съ Игоремъ древляне поступили! Ты долженъ потерпѣть за бѣгство наказанье, измѣнникъ гнусный, жалостный пѣнта! Такъ знай же ты: намъ всемъ давно извѣстно, зачѣмъ ты дружеской компаніи избѣгаешь!..

Толстый понизилъ голосъ, сдѣлалъ рожу опереточнаго заговорщика и продолжалъ, съ таинственнымъ видомъ поворачиваясь то къ одному, то къ другому изъ слушателей:

— Вступилъ онъ въ связь преступную съ хозяйкой и къ ней попалъ подъ стоптанный башмакъ, о, сакр-раменто! о, могила бездонная, всего, что было, есть и будетъ—смерть смертей!

— О-о!..—загудѣла компанія, поднимая кружки.

Толстый выпилъ залпомъ кружку пива и продолжалъ авторитетно:

— Я самъ видалъ, какъ съ ней пѣнта фхалъ, держа подъ мышкой вѣникъ!..

Компанія захохотала.

— Идиллія!

— Могила!

— Бездонная всего!

Метеоръ улыбнулся.

— Дуракъ!—сказалъ онъ:—несешь чепуху, а кто-нибудь и повѣритъ.

— Нѣтъ, не дуракъ!—спокойно возразилъ Толстый.—Пусть сплетня поползетъ по городу объ этомъ, и съѣхать вынужденъ ты будешь съ той квартиры, гдѣ процвѣтаетъ шайка воровская, гдѣ именемъ твоимъ прикрыты преступленья, гдѣ ты обобранный гнусной атаманшей и ничего не видишь, какъ дуракъ! Гарсонъ!—еще мнѣ фляжку бира!

— Смерть смертей!—въ тонъ ему гудѣла компанія.

— Ну, а теперь,—все болѣе входилъ въ ражъ Толстый:—скажи намъ стихъ завѣтный, что въ эту пятницу успѣлъ ты настроить, иль что-нибудь изъ прежнихъ похожденій, прикрасивъ замысломъ или враньемъ изряднымъ, честной компаніи занятнѣй разскажи. Недаромъ же тебя повсюду мы искали и наконецъ настигли въ кабакѣ. Мы слишкомъ долго жарились подъ солнцемъ, безъ благъ культуры долго обходились, безъ пива и газетъ мы жили много дней и жаждали выслушать подъ сѣнью кафедралки безумный лепетъ пьянаго поэта! Валяй!

Метеоръ залпомъ выпилъ кружку пива, взерошилъ свои длинные спутанные волосы, вдругъ поблѣднѣлъ, дрожащей отъ волненія рукой отодвинулъ кружку и сдѣлалъ широкій жестъ, требуя вниманія.

— Сейчасъ только-что придумалъ разсказъ!—сказалъ онъ вдохновенно.—Начинаю!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новый Годъ.

Стихотвореніе Елены Федотовой.

Привѣтъ тебѣ, пришлецъ знакомый!
Вернулся ты и, старъ душой,
Одеждой новой, но чужой
Блестишь, прельстить меня готовый.
Какъ прежде, пряча сѣдину
Подъ локонъ, выющійся небрежно,
Ты смотришь въ душу безмятежно,
Пытая чувства глубину.
Увы, въ ней нѣтъ уже надежды,
Мечты отброшены давно.

И, право, все теперь равно:
Темны ль, свѣтлы ль твои одежды.
Зовешь?—пойду, хоть не стремлюсь.
Зачѣмъ пойду—судьба не спроситъ,
Но если счастья лучъ мнѣ броситъ,
Я имъ съ тобою подѣлюсь.
Затѣмъ, что въ новый часъ свиданья
Землѣ ты даръ небесъ вернулъ
И тѣмъ надеждъ не обманулъ
Хотя единого созданья!

СОВѢСТЬ.

Рассказъ И. Н. Потапенко.

I.

Есть такія болѣзни: началась она давно, можетъ-быть, еще въ дѣтствѣ, но никто не зналъ о ней. Потомъ въ юности разъ-другой слегка кольнуло гдѣ-то въ лѣвомъ боку, — не обратили вниманія. Затѣмъ позже стало ныть систематически. Докторъ осмотрѣлъ — все въ порядкѣ, и сказалъ: „это такъ, на нервной почвѣ“. А смотришь, къ сорока годамъ разыгралась, и все уже видятъ: серьезная, неизлѣчимая болѣзнь.

У Нелидскаго никакой болѣзни не было, и въ боку у него никогда не кололо. Онъ былъ малый здоровый по всемъ статьямъ. Но было другое. Еще когда онъ былъ малолѣтнимъ лицеистомъ, въ младшихъ классахъ, у него отъ времени до времени являлось смутное ощущеніе неловкости. Объяснить или даже сколько-нибудь формулировать это онъ не могъ. Такъ просто вотъ — неловко, да и только.

Онъ не былъ ни князь ни графъ, но у предковъ его были какія-то незабвенныя заслуги. Какія именно, онъ не зналъ, и мать его тоже не знала, да кажется, и никто не зналъ этого. Отецъ его былъ дипломатомъ; онъ и умеръ въ какой-то большой иностранной столицѣ, когда Вольдемаръ Нелидскій былъ еще совсемъ маленькимъ. Можетъ-быть, онъ совершилъ какіе-нибудь дипломатическіе подвиги, но такъ какъ въ дипломатіи понимаютъ толкъ только посвященные, то никто о нихъ и не слышалъ.

У нихъ было хорошее имѣніе въ Тамбовской губерніи и хорошія свободныя средства. Когда умеръ отецъ, они переѣхали въ Россію и довольно долго жили въ имѣніи, гдѣ Вольдемаръ возросталъ и укрѣплялся духомъ, т.-е. при помощи репетитора готовился въ лицей.

Здѣсь у него были товарищъ, — по играмъ, конечно. Вася былъ сынъ управляющаго, который, по паспорту, носилъ странное званіе: „сынъ коллежскаго асессора“. Онъ хорошо зналъ свое дѣло и исправно добывалъ изъ имѣнія доходы для своихъ патроновъ, но собственнаго званія ему не удалось приобрѣсти, поэтому онъ такъ и остался на всю жизнь „сыномъ“, а Вася, выходитъ, былъ уже „сынъ сына коллежскаго асессора“.

Въ виду столь несовершеннаго званія, Васѣ разрѣшалось играть съ Вольдемаромъ только во дворѣ, въ саду, въ лѣсу и вообще во всѣхъ натуральныхъ мѣстахъ. Иногда ему также позволяли подъемъ на террасу, когда тамъ пили чай, но въ самый домъ, въ которомъ всюду висѣли портреты предковъ и каждая вещь изъ обстановки была связана съ какимъ-нибудь воспоминаніемъ, онъ входа не имѣлъ.

Это обстоятельство было, можетъ-быть, первымъ уколомъ, который смутно почувствовалъ Вольдемаръ въ томъ неопредѣленномъ и никѣмъ еще не указанномъ мѣстѣ своего организма, гдѣ помѣщается совѣсть. Это было тѣмъ болѣе неприятно, что Вася, разжигаемый запретностью, ужасно рвался во внутреннія комнаты помѣщичьяго дома; ему мерещилось, что тамъ спрятаны настоящія чудеса, иначе зачѣмъ же было и прятать ихъ.

А Вольдемару было неловко, ну, просто неловко передъ Васей, онъ даже и самъ хорошенько не зналъ, почему; но у него всегда было такое ощущеніе, какъ будто онъ нечаянно съѣлъ булку, предназначенную для Васи, и Вася остался безъ булки.

Но это ощущеніе съѣденной Васиной булки сдѣлалось уже почти совершенно явственнымъ, когда ихъ обоихъ отдали въ ученіе. Васю повезли въ Тамбовъ и тамъ, помѣстивъ его у нѣкоей тетки, отдали въ гимназію, въ первый классъ. Сдѣлалось это чрезвычайно просто, безъ всякой возни: повезли и отдали. А Вольдемара предназначали въ лицей, гдѣ раньше учились и его старшіе братья, и для этого потребовался рядъ чрезвычайно сложныхъ дѣйствій. Во-первыхъ, многія вещи изъ обстановки, безъ которыхъ мать Вольдемара не могла жить, упаковывались и отсылались въ Петербургъ; во-вторыхъ, отецъ Васи, управляющій, долженъ рыскать по уѣзду и искать покупателя на рожь, тогда какъ въ сентябрѣ этотъ покупатель самъ пріѣхалъ бы и далъ бы лучшую цѣну; въ третьихъ, такъ какъ этихъ денегъ на обзаведеніе въ Петербургъ было мало, закладывался въ тамбовскомъ кредитномъ учрежденіи огромный лѣсъ, ну, и много еще другихъ мѣръ.

Вольдемаръ смотрѣлъ на это, и ему становилось ужасно неловко. Пробѣздомъ черезъ Тамбовъ онъ побывалъ на Васиной квартирѣ, и когда потомъ, будучи уже въ Петербургѣ, сравнилъ чистенькія, просторныя, удобныя помѣщенія лицея съ Васиной конурой, то ему показалось, что онъ вотъ-вотъ подавится нечаянно проглоченной Васиной булкой.

Въ лицей онъ очень скоро сжился съ порядками, но какъ-то не могъ слиться съ общимъ настроеніемъ. Онъ былъ хорошій товарищъ — мягкій, добросердечный, склонный въ товарищескихъ дѣлахъ къ героизму; его можно было уговорить на что угодно, такъ какъ у него не было своей сильной воли. Но многое онъ дѣлалъ какъ-то противъ себя, отъ многого ему было нехорошо, неловко.

Напримѣръ, онъ, по принятому среди лицеистовъ обычаю, когда смотрѣлъ на улицѣ или въ другомъ мѣстѣ гимназиста, старался назидательно причислялись лицеистами къ низшей породѣ людей; при случаѣ, въ особенности, когда это было въ присутствіи другихъ

лицеистовъ, онъ не прочь былъ и пренебрежительно толкнуть существо низшей породы.

Но ему всегда отъ этого было не по себѣ. Какое-то смутное недовольство собой вѣчно сверлило у него въ душѣ.

Года черезъ четыре послѣ поступленія въ лицей (эти годы онъ ѣздилъ съ матерью за границу, такъ какъ она была больна и лѣчилась на водахъ) онъ проводилъ лѣто въ деревнѣ. Тутъ онъ встрѣтился съ гимназистомъ Васей, и эта встрѣча доставила ему много въ высшей степени затруднительныхъ моментовъ.

Нужно замѣтить, что къ этому времени онъ уже значительно вышелъ изъ безусловнаго повиновенія своей матери. Для него уже стало ясно, что она его обожаетъ, и, главное, что ея воля еще слабѣе его воли, и что, въ сущности, онъ можетъ дѣлать съ нею, что хочетъ.

Прежде всего оказалось, что у Васи семь пядей во лбу, — такое по крайней мѣрѣ онъ произвелъ на Вольдемара впечатлѣніе, когда началъ выкладывать передъ нимъ свои познанія. Не говоря уже о гимназическихъ наукахъ, которыя онъ зналъ превосходно, такъ какъ перешелъ въ пятый классъ первымъ ученикомъ, тогда какъ Вольдемаръ имѣлъ о нихъ только приблизительное понятіе, — Вася за это время перечиталъ кучу разнообразнѣйшихъ книгъ и имѣлъ основательныя свѣдѣнія рѣшительно обо всемъ.

Обоимъ имъ было по пятнадцати лѣтъ, и оба они отлично выросли и походили уже на молодыхъ людей. Для Вольдемара не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы исполненнаго такихъ почтенныхъ достоинствъ товарища дѣтства трактовать, какъ не равнаго ему сына управляющаго или „сына коллежскаго асессора“. Онъ видѣлъ, что фактически Вася не только равенъ ему, но даже превосходитъ его. А между тѣмъ мать его протестовала и ставила препятствія. Она говорила, что онъ долженъ помнить о высокомъ дипломатическомъ положеніи его покойнаго отца и держаться на той высотѣ, на которую поставили родъ Нелидскихъ его предки. Она говорила также о томъ, что въ Васѣ она уважаетъ природныя способности и трудолюбіе, и что эти качества дадутъ ему въ жизни преимущества въ средѣ людей его круга, но нисколько не открываютъ для него двери въ другой кругъ, ограниченный и замкнутый.

Но Вольдемаръ не хотѣлъ согласиться съ этимъ. То-есть онъ, пожалуй, теоретически даже соглашался. Умственно онъ раздѣлялъ все предразсудки своей матери, но внутренняя неловкость томила его. Вѣдь Вася былъ налицо со всеми своими достоинствами, и просто не было никакой возможности показать ему пренебреженіе. И Вольдемаръ огорчилъ свою мать: онъ настоялъ, чтобы Вася на равныхъ съ нимъ правахъ приходилъ въ ихъ домъ, обѣдалъ съ ними за общимъ столомъ, словомъ — чтобы не было никакой разницы.

Это было первое юношеское проявленіе совѣсти, которая впоследствии такъ сильно помѣшала ему въ жизни.

II.

Когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ лицея, умственное его развитіе было уже изрядное. Повліяла ли на него встрѣча съ Васей, или это само пришло, но съ того времени онъ усердно принялся читать книги. Товарищи его находили это излишнимъ и предпочитали посѣщать балеты и танцевальныя вечера, а также ужинать до утра въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ.

Но зато онъ ужасно отсталъ въ наукахъ. Послѣдній годъ онъ, пользуясь существующимъ въ лицейскомъ правомъ, жилъ у матери, хотя числился пансіонеромъ, и ни разу не посѣтилъ ни одной лекціи. Когда до экзаменовъ оставалось нѣсколько недѣль, онъ поѣхалъ въ лицей и тамъ узналъ, что его товарищи знаютъ приблизительно столько же. „Но какъ же мы будемъ держать экзамены? — спрашивалъ онъ. — Вѣдь насъ позорно провалятъ“.

— Что такое? Провалятъ? А ну-ка, пусть посмѣютъ. Да что мы, въ университетѣ, что ли! Да когда же это было, чтобы въ лицей проваливали?

— Но все-таки, господа, надо же подготовиться... Вѣдь постыдно ничего не знать! — возражалъ Вольдемаръ.

— А пусть себѣ готовится, кто хочетъ! — небрежно отвѣчали ему.

Но несчастная совѣстливость не позволила ему такъ легкомысленно отнестись къ дѣлу. Онъ досталъ записки профессоровъ и рѣшилъ хоть по одному разу прочитать ихъ.

И вотъ онъ на экзаменахъ. Онъ слышитъ, какъ отвѣчаютъ его товарищи. Боже, что это за постыдное зрѣлище! Тѣ, кого Богъ не одарилъ находчивостью, просто молчатъ — добросовѣстно, упорно — на все вопросы, даже тогда, когда профессоръ, желая вывести, въ вопросѣ предлагаетъ и отвѣтъ. Другіе — находчивые и смѣлые — начинаютъ нести невѣроятную ахинею, какое-то сплетеніе словъ почти безъ смысла и безъ всякаго отношенія къ дѣлу. И тѣхъ и другихъ пропускаютъ. А ему, Вольдемару Нелидскому, за всѣхъ ихъ неловко, онъ буквально краснѣетъ за каждого товарища, хотя между ними нѣтъ ни одного, который былъ бы ему очень близокъ и дорогъ.

Когда же приходится отвѣчать ему, онъ видитъ, что съ профессорами дѣлается что-то непостижимое. Они точно оживаютъ,

на лицах сперва изумление, потом удовольствие. „Как?—словно говорят их глаза:—он что-то знает? Очень, правда, не много, но все же кой-что. Видно, что он хоть понюхал записок и по крайней мере понимает, о чем его спрашивают“.

И он, кое-как прочитавший записки один раз, пользуется на экзаменах колоссальным успехом, получает по всем предметам наивысший балл, и его выпускают из лица с отличием.

Но во всем лице он единственный человек, не разделяющий общего высокого мнения о своих достоинствах. Эти высокие баллы и отличия заставляют его тайно переживать неприятное чувство неловкости. Он знает, что в это же время в университете держит экзамен Вася. И он сам видел, как тот занимался науками, и какими сведениями действительно полна его голова, и с каким трудом там доставались ему высшие отметки. Вася был на естественном факультете и готовил себя к ученой карьере. Он обожал физиологию, и уже теперь ему удалось сдать такие замечания, что на него смотрели с надеждой. И вот он во время экзамена целые дни сидел в лабораториях, а ночью—над книжками; он стал походить на тень. А результат для него и для Вольдемара, который едва только по разу прочитал записки, — одинаковый: высшие баллы и отличие.

И Вольдемару просто совестно встретиться с Васей и смотреть ему в глаза.

По окончании курса, Вольдемар похвально с матерью за границу. Мать просто не могла нарадоваться на него. Сын, который кончил лицей с отличием! Очевидное дело, в нем сказались высокого качества ум, нажитый и отшлифованный предками и переданный ему в совершенном виде.

— Тебе, Вольдемар, предстоит блестящая карьера, ты должен к этому готовиться. Разумеется, ты и так сдал бы хорошую карьеру, потому что заслуги твоего отца не забыты, и род Нелидских имеет все права на преимущества. Но, кроме того, ты кончил лицей с отличием, и это делает тебя первым между лучшими... Жаль, конечно, что ты не можешь начать службу сейчас же благодаря той неосторожности, которую ты допустил против моей воли...

Эта неосторожность заключалась в том, что Вольдемар своевременно изъявил желание отбывать воинскую повинность вольноопределяющимся. Если бы он этого не сделал, то легко было бы освободиться от службы. Он, конечно, не страдает никакими физическими недостатками, но ведь это дело условное, и все зависит от того, как посмотрят...

— Нет, это ужасно,—говорила его мать. — Подумай, целый год выпадает из твоей карьеры... Нет, знаешь, Вольдемар, вот мы подем в Петербург, и я все-таки попробую хлопотать, чтобы тебя освободили от этого... Ты будешь дипломатом. Это какому-нибудь там будущему учителю или адвокату, конечно, слѣдует отслужить, а дипломат и без того несет тяжелую службу отечеству... Нет, нет, я непременно добьюсь...

Вольдемар вспыхнул:
— Мама, если вы это делаете, я откажусь от всякой карьеры и буду жить в деревне...

— О, вот этого еще не доставало! Но если такие, как ты, будут жить в деревне, кто же будет исполнять высшие ответственные должности? Эти твои Васи, что ли? Но поверь, мой друг, что все им ничего не стоит продать Россию за тысячу рублей...

— Мама, что вы говорите! Мне больно это слушать...

— Но да, да! И это очень понятно,—потому что для них тысяча рублей—цѣлое состояние. Поэтому я и говорю, что высшие должности могут исполнять только люди, обеспеченные достоянием их предков как материальным, так и духовным...

По возвращении в Россию, в ноябре, Вольдемар надѣл мундир одного из гвардейских полков. Ах, эта служба тоже доставила ему не мало своеобразных огорчений.

Здѣсь он сейчас же познакомился с двумя вольноопределяющимися из окончивших в этом году университет. Между ними не было Васи, так как он был оставлен при университете и послан куда-то за границу для усовершенствования. Это были милые, вполне приличные молодые люди,—один готовился в адвокаты, а другой, фамилия которого была Мильханов, собирался служить по министерству иностранных дел. Его отец был врачом где-то в провинции.

— Значит, мы будем вместе служить,—сказал ему Вольдемар. — Я ведь тоже поступаю в министерство иностранных дел.

— Но вы, кажется, лицеист?

— Да, я окончил лицей. Но это не потому. Я избираю дипломатическую карьеру потому, что отец мой был дипломатом. У нас в семье есть традиции.

— Ну, тем более, значит, судьба наша будет разная...

— Почему?

— Да вот именно потому, что у меня нет традиций. Я избираю эту службу, потому что она меня интересует; я очень хорошо изучил международное право и все другое, сюда относящееся... Но, очевидно, вы пойдете быстро, а я медленно, и мы должны быть, на этом пути никогда не встретимся...

Вольдемар что-то возражал, хотя в душе должен был признать, что это вполне верно. И ему до того стало неловко

перед новым товарищем, что он старался как можно реже с ним встречаться. А тут прибавились еще и другие наблюдения.

С обоими вольноопределяющимися обращались, конечно, деликатно. Им подавали руку, говорили „вы“ и вообще принимали в расчет их университетские дипломы. Но их сближение не шло выше поручиков. Высшие чины им только кивали головой. Когда же Нелидский встретился с генералом, он пригласил его к себе и, не взирая на его солдатскую шинель, усадил завтракать.—Вы лицеист? Да, да, еще бы... Я встречался с вашим покойным отцом... Ведь ваша мама—урожденная Карелина? Так мы с вами даже немного родня... Мой кузен женат на Карелиной, которая приходится, кажется, троюродной племянницей вашей маме...

И Вольдемар чувствовал себя в этой среде, как в своей. И тем тяжелее ему было встречаться с двумя университетскими вольноопределяющимися.

В душе его было что-то, попавшее в нее как бы по роковой ошибке, что было сильнее мамы, его фамильных традиций, даже его самого. Он был бы рад избавиться от этой тяжелой ноши, но не мог, и она отравляла ему все его преимущества и успехи.

Мильханов уже несколько раз сидел на гауптвахте за несправности по службе, а он опаздывал на учебу, самое ученье производило из рук вон плохо и за все это получал только снисходительную улыбку начальства:

— Что с вас возьмешь? Ведь все равно вы воевать не будете, а будете стрелять дипломатическими нотами...

И обязательная служба протекала для него легко. Летом были маневры, но ему намекали, что он может заболеть, и он, не чувствуя ни малейшей готовности пачкаться в пыли, разумно воспользовался советом.

Осенью он был уже в штатском платье.

III.

Он поступил на службу и встретил там Мильханова, который сразу нарядился в вице-мундир.

— Почему вы в вице-мундире? — спросил он. — Разве это необходимо? Здѣсь очень многие ходят в пиджаках...

Мильханов усмехнулся.—Вы будете ходить в пиджаке! — сказал он.

— Я не понимаю. Ведь мы служим в одном государстве и в одном министерстве...

— А позвольте спросить, вы в котором часу пришли на службу?

— Я, положим, опоздал. Обыкновенно я прихожу в час, а сегодня проспал и не успел позавтракать и вот явился в два.

— И что вам по этому поводу сказала начальство?

— Ничего. Ведь генерал приехал в три.

— Ну, на то он и генерал. А вот мне так сказано при поступлении на службу, чтобы я являлся обязательно в одиннадцать и уходил в четыре, а то и четыре с половиной...

— Как? А завтракать?

— Завтракаю я здѣсь. Приносят бутерброды и стакан чаю.

— Я этого не понимаю...

— Все оттого, м-г Нелидский, что у меня нет традиций...

И в самом деле, Вольдемар скоро заметил, что в департаменте служащие явно дѣлятся на две категории: одни работают, как волы, приходят рано, а уходят поздно, сочиняют бумаги, пишут их, что-то переводят на всевозможные языки; а другие только приходят, когда хотят, болтают, курят, разговаривают по-французски анекдоты и ничего не делают. И когда он поближе пригляделся к этим последним, то увидел, что все они и с фамилиями, и с традициями, и в то же время лицеисты или правоведы. И он, конечно, принадлежал к ним.

И положение Вольдемара Нелидского было в высшей степени странное. Он искренно считал несправедливым такого рода разделение труда. Мильханов, например, был человек очень серьезный и знающий. По знанию иностранных языков, что в департаменте очень ценилось, он оставался далеко позади себя всех лицейских, правоведов и традиционных. Это скоро узнали и навалили на него главную работу по этой части. Другие университетские тоже были люди почтенные и хорошие работники. И он внутренне решительно протестовал против такого исключительного отношения к ним.

Между тем, с другой стороны, ему нравилось именно так служить, как он служил, т.е. ничего не делать. Да он, в сущности, и не умел ничего делать и не был способен к работе.

Когда он высказал свою мысль одному из старших чиновников, с которым был раньше хорошо знаком, тот ответил:

— Вы находите это несправедливым? Я с вами совершенно согласен. И я думаю, с этим согласны все служащие в министерстве.

— Так почему же это практикуется?

— Но каждый может частично отменить эту практику. Не угодно ли вам являться в одиннадцать часов?..

— Да помилуйте, я встаю в двенадцать...

— Так-с. Не угодно ли вам засѣсть за составление канцелярских бумаг? — я предоставляю в ваше распоряжение их сколько угодно...

— Но я засну над ними и все перепутаю...

— Так-с. И это совершенно верно: перепутаете. Но в кан-

целяриі много работы, — множество бумагъ, которыя надо составлять. Такъ кто-нибудь же долженъ это дѣлать. Такъ вотъ-съ, на службу въ-время приходять тѣ, кто умѣетъ, т.-е. кто привыкъ рано вставать, и работаютъ тѣ, кто не путаетъ бумагу и не спитъ надъ ними.

— И за это они не пользуются никакими преимуществами...

— Напротивъ, всѣми преимуществами воспользуются тѣ, которые поздно встаютъ. А впрочемъ, нѣтъ, не всѣми. Этимъ, работающимъ, къ праздникамъ будутъ выданы наградныя побольше. Но вы вѣдь въ нихъ не нуждаетесь...

— Но согласитесь, что это ужасно... Служить вмѣстѣ и постоянно чувствовать, что ты, въ сущности, ѣдешь на спинѣ своего товарища...

— А вы, я вижу, страдаете разлагающимъ скептицизмомъ...

— Да, представьте... Страдаю, дѣйствительно страдаю...

— Это не приведетъ васъ къ добру, мой милый...

— Не знаю, къ чему это приведетъ меня.

Вольдемаръ въ самомъ дѣлѣ страдалъ, теперь ужъ вполне определенно. Та болѣзнь, которая выражалась въ давніе дѣтскіе годы смутно сознаваемымъ ощущеніемъ неловкости, теперь обнаружилась, и ей можно было дать названіе. Это была совѣсть.

Но самый главный припадокъ ея, который всѣхъ поразилъ и поставилъ втупикъ, разыгрался позже. Года два проболтался онъ въ департаментѣ, а Мильхановъ въ это время работалъ, обнаруживъ большія способности къ дипломатической службѣ. И оба они одновременно выразили желаніе получить назначеніе по внѣшней части. Оба выдержали полагающійся для дипломатической службы экзаменъ.

Вольдемара спросили: — Вы гдѣ предпочли бы жить?

— Мнѣ, въ сущности, все равно, — отвѣтилъ онъ: — но моя мама давно высказываетъ желаніе поселиться въ Римѣ.

— Прекрасно. Въ Римѣ очень хорошее положеніе для молодого дипломата...

Недѣли черезъ три вышло распоряженіе: Вольдемаръ Нелидскій назначался чѣмъ-то, правда, неопредѣленнымъ, какимъ-то „состоящимъ при“ — российскомъ Императорскомъ консульствѣ въ Римѣ, а Мильхановъ опредѣлялся на службу исправляющимъ должность секретаря при консульствѣ въ какомъ-то приморскомъ городкѣ въ Голландіи. Разница была колоссальная.

Вотъ тутъ-то и случился припадокъ. Вольдемаръ, встрѣтивъ Мильханова, спросилъ его: — Послушайте, неужели вы поѣдете? Неужели не откажетесь? Служба въ канцеляріи консула — вѣдь это для карьеры могила...

— Я поѣду! — отвѣтилъ Мильхановъ. — У меня нѣтъ средствъ для того, чтобы отказываться отъ назначеній. Чтò же, буду работать. Можетъ-быть, при помощи работы когда-нибудь выкарабкаюсь изъ могилы... Вѣдь нельзя же думать, что всегда такъ будетъ. Можетъ-быть, настанетъ время, когда у насъ будутъ цѣнить знанія, способности, работу и любовь къ дѣлу. А я люблю дѣло, въ этомъ признаюсь...

Вольдемаръ пожалъ его руку и расстался съ нимъ и въ тотъ же день подалъ по начальству заявленіе объ отказѣ отъ назначенія и просьбу объ увольненіи отъ службы.

Ни на какіе разпросы онъ не отвѣчалъ ни на какіе уговоры не поддавался.

— Ты безумецъ, — говорила ему въ конецъ огорченная и убившая его поступкомъ мать. — Такое блестящее начало! Вѣдь это была бы одна изъ лучшихъ карьеръ...

— Нѣтъ, мама, не хочу, не могу... Буду жить въ деревнѣ, гдѣ вамъ угодно... Готовъ оставаться при васъ всю жизнь... Но это — не могу.

— Ты боленъ, Вольдемаръ, тебѣ надо лѣчиться...

— Да, я боленъ, мама... Но отъ этой болѣзни не излѣчиваются...

И онъ вышелъ въ отставку.

Изъ забытыхъ легендъ.

И. Тенеромо.

I.

Находка.

Случилось, что въ Римѣ жена кесаря, возвращаясь съ зрѣлищъ, потеряла свои драгоценности.

Кесарь издалъ указъ и разослалъ по всему городу вѣстниковъ, возвѣстившихъ народу:

„Кто найдетъ потерю и возвратитъ драгоценности въ теченіе тридцати дней, тому выдастся изъ кесаревой казны щедрая награда. А кто найдетъ потерю и не возвратитъ ее въ теченіе тридцати дней, тотъ будетъ на площади при всѣхъ обезглавленъ“.

Въ то время прибылъ въ Римъ праведникъ изъ Святой Земли и, проходя пустынной улицей, на откосѣ рва нашелъ утерянное женой кесаря.

Когда онъ вошелъ въ городъ и проходилъ по люднымъ улицамъ, онъ слышалъ слова вѣстниковъ и видѣлъ суету людей, бросившихся во все концы искать дорогую потерю.

Но праведникъ никому не сказалъ и медлилъ и потери не относилъ во дворецъ. Онъ продержалъ у себя драгоценности цѣлыхъ тридцать дней, и когда ночь тридцатаго дня ушла въ безвозвратную вѣчность, и настало утро тридцатаго перваго дня, праведникъ уложилъ драгоценности въ ларецъ и явился къ женѣ кесаря.

— Вотъ твоя потеря. Получай ее!

Обрадовалась она, раскрыла ларецъ — всѣ драгоценности цѣлы, и ни въ чемъ поврежденія нѣтъ.

— Тебя не было, должно-быть, въ Римѣ? — подсказала ему оправданіе жена кесаря.

— Нѣтъ, я былъ, — отвѣтилъ праведникъ.

— Но, можетъ-быть, ты не слышалъ вѣстниковъ, и указъ кесаря не дошелъ до слуха твоего?

— Слышалъ и потерю твою нашелъ въ первый же день объявленія указа.

— Почему же ты не возвратилъ? Вѣдь теперь ты долженъ быть обезглавленъ!

И отвѣтилъ праведникъ:

— Я хотѣлъ показать тебѣ, что возвратилъ драгоценности не изъ страха передъ смертью, а изъ страха передъ Богомъ.

Умилилось сердце ея:

— Да будетъ благословенъ великій Богъ твой, возрадившій такую великую душу!

И бросилась она къ кесарю, моля о прощеніи.

II.

Споръ.

Шелъ горячій споръ между язычникомъ и учителемъ вѣры.

— Если Богъ вашъ любитъ бѣдныхъ, — говорилъ язычникъ: — то почему Онъ Самъ не заботится объ ихъ пропитаніи, а велитъ вамъ это дѣлать?

Учитель отвѣтилъ:

— Это для того, чтобы мы имѣли случай добрыми дѣлами получить благо духовной жизни.

— А я думаю, что вы этими дѣлами скорѣе прогнѣваете Бога.

Подумай только: если царь ввергнетъ въ темницу одного изъ рабовъ своихъ и желаетъ, чтобы онъ умеръ отъ голода и жажды, а ты тайкомъ придешь и накормишь этого раба, — какъ ты думаешь, получишь ты награду или раздѣлишь участь того же раба? Такъ и съ бѣдными: если Господь пожелалъ ихъ наказать, то не тебѣ мѣнять Его волю.

Усмѣхнулся учитель и говорить:

— Но ты представь себѣ другое. Не раба, а сына своего, свое родное дитя, властелинъ во гнѣвѣ своемъ ввергъ въ темницу. И вотъ если кто-нибудь тайкомъ напоитъ и накормитъ дитя царя, — какъ ты думаешь, послѣдуетъ наказаніе, или царь проститъ тебя, возрадуется и, вернувъ сына, введетъ и тебя и его въ блаженство свое? А вѣдь люди — дѣти Божіи. И въ этомъ вся разница между истинной вѣрою и язычествомъ. Въ язычествѣ — рабы, а у насъ — сыны. И бѣдные — тѣ же сыны. И пусть никогда не оскудѣетъ наша рука, помогающая бѣдному.

III.

Святая мѣна.

Учитель гулялъ съ учениками въ полѣ, и пришли они къ мѣсту, гдѣ былъ разбитъ дивный виноградникъ съ сочными гроздьями, отягчавшими тѣнистые кусты.

— Чье это добро? — спросили ученики.

Учитель отвѣтилъ:

— Этотъ виноградникъ былъ мой и приносилъ мнѣ въ годъ нѣсколько мѣръ золота, но я продалъ его и роздалъ вырученныя деньги, дабы отойти отъ суетныхъ дѣлъ и съ облегченной душою отдаться изученію слова Божія.

Изумились ученики и продолжали путь. Пришли къ большой полянѣ, утучненной злаками и поросшей кормомъ для людей и безсловесныхъ друзей ихъ.

— Видите эту поляну, — сказалъ учитель. — И ее я продалъ и вырученное роздалъ бѣднымъ, дабы совсѣмъ освободиться отъ суетныхъ дѣлъ и всей душой отдаться изученію святого слова Вѣчности.

И говорятъ ученики:

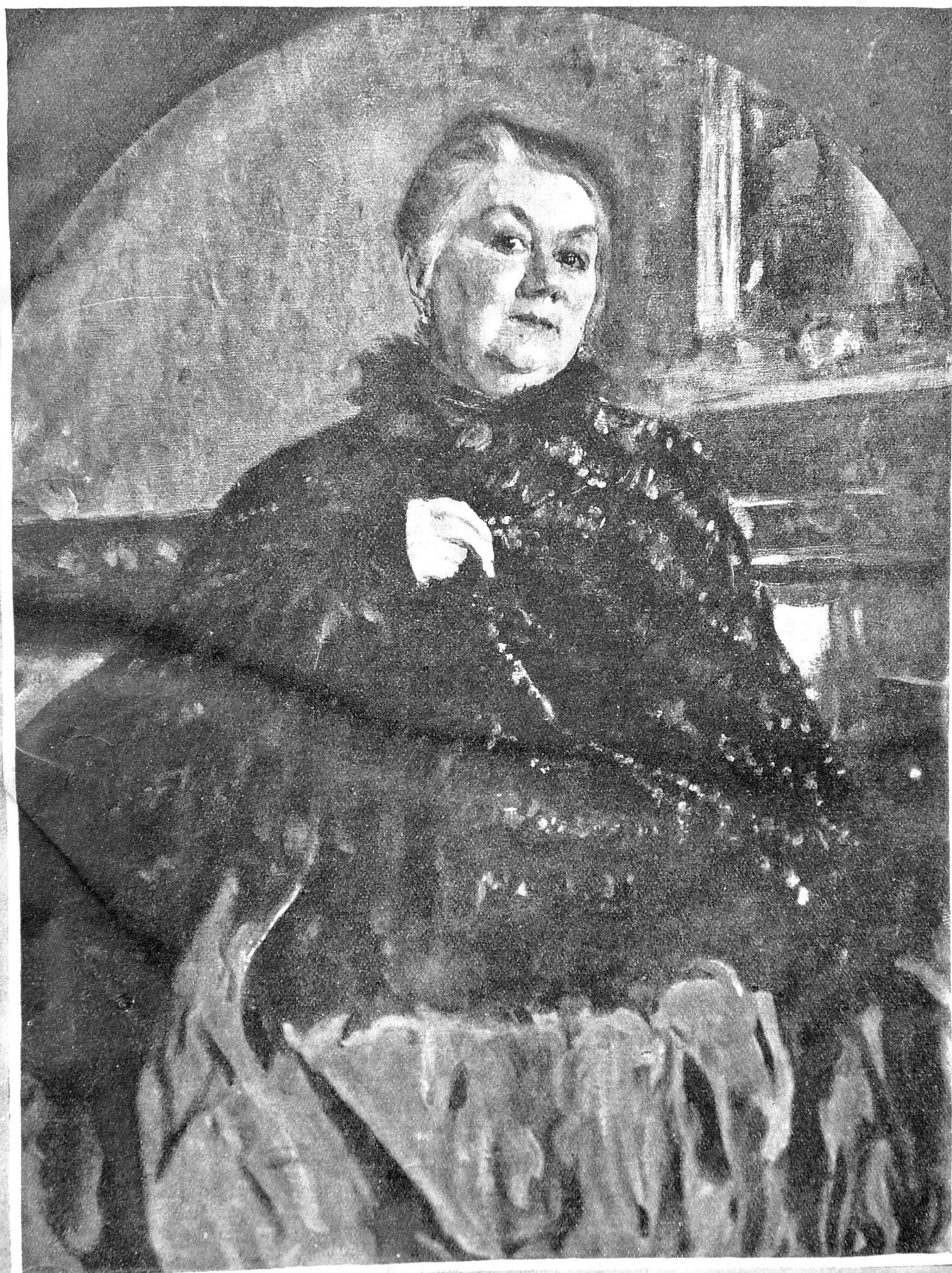
— Учитель, чтò же ты себѣ оставилъ на старость и на поддержку въ черный день?

— Дѣти мои, я сдѣлалъ мѣну самую выгодную. Я отдалъ то, чтò было только временно въ моихъ рукахъ, и подъ сокровища мои воры могли подкапываться, и саранча могла ѣсть ихъ. А получилъ я то, чтò будетъ вѣчно со мною, и теперь уже подъ сокровища это ни воры не могутъ подкапываться, ни саранча не можетъ ѣсть его. Черные же дни умчались въ бездну, и впереди одинъ только радостный и блаженный свѣтъ. Идите, дѣти мои, и вы къ этому свѣту.

IV.

Смерть Моисея.

День уже давно склонился къ вечеру, и темное покрывало ночи уже широко протянулось отъ края до края земли, но мы все еще не расходились изъ дома ученія и трепетно слушали дивныя слова нашего стараго учителя. Онъ говорилъ:

Г. Н. Федотова. По поводу 50-лѣтія артистической дѣятельности. Портретъ работы В. А. Сѣрова.

— И не было пророка больше его, и, доколѣ земля и небо не прейдутъ, имя его не изгладится въ памяти имѣющихъ слово. Слушайте, чтѣ повѣствуетъ намъ старое-старое преданіе о смерти этого пророка, имя которому было Моисей, да будетъ оно благословенно навѣки.

Когда приблизился послѣдній день жизни пророка, Господь возвѣстивъ небожителямъ:

— Сегодня вернется ко Мнѣ душа Моего вѣрнаго слуги Моисея. Притовжьте мѣсто для нея среди сонма серафимовъ.

И сказалъ Всемогуцій ангелу смерти:
— Иди, спустись на землю и принеси Мнѣ душу возлюбленнаго Моего, къ которому влечение сердца Моего.

И опоясалъ ангелъ мечомъ истребленія и спустился на землю и подошелъ къ жилищу святого мужа.

Моисей въ это время писалъ послѣднія строки Священнаго Писанія, и сіяніе лучей небесной славы окружало ликъ его.

Ангелъ приблизился и, не смѣя войти въ нимбъ лучей, озарившій ликъ святого, молвилъ, стоя у порога:

— Я посланъ за душой твоей. Готовься къ смерти. Моисей повернулъ къ нему свѣтлое лицо свое, сіявшее мудростью и силой, и грозно плюнулъ на суроваго вѣстника:

— Не тебѣ я вручу мою душу. Ступай!.. Но ангелъ медлилъ. Тогда Моисей простеръ къ нему жезлъ свой, гдѣ было начертано священное Имя Божіе.

Ангелъ не выдержалъ ослѣпительнаго свѣта священнаго начертанія и палъ на землю, пораженный слѣпотой, и тщетно протирая крылья, искалъ выхода.

Моисей коснулся посохомъ края крыльевъ, и крылья тотчасъ подняли вверхъ ангела и унесли его въ чертоги Предвѣчнаго.

— Пойди ты и принеси на небо душу Моисея! — молвилъ Господь, обращая ликъ Свой къ архангелу Михаилу.

Ангелъ опустилъ глаза.

— Боже предвѣчный! Я былъ его учителемъ, онъ—ученикомъ моимъ. Могу ли я видѣть смерть его?

Тогда Господь съ сонмомъ ангеловъ спустился съ горнихъ высотъ, и голосъ Всесильнаго воззвалъ къ Моисею:

— Сынъ мой! готовься къ смерти, часъ твой насталъ. И Моисей, чистый, какъ серафимъ, сталъ готовиться.

А ангелы, разостлавъ висонное одѣяло, стали у изголовья постели.

Моисей легъ.
— Сомкни вѣжды твои!—приказалъ Господь.

И сомкнулъ Моисей вѣжды.

— Положи руки на грудь!

И тотчасъ воззвалъ Господь къ душѣ:

— Дочь Моя! Насталъ твой часъ, выходи!

Тихо взмолилась душа изъ глубины персти:

— Сто двадцать лѣтъ одухотворяла я святое жилище изъ праха.

Я люблю это чистое, незапятнанное тѣло. Силь нѣтъ разстаться съ нимъ!..

— Дочь Моя, выйди! Я помѣщу тебя у престола Моего, и сіяніе славы твоей озаритъ весь міръ.

Душа колебалась.

Тогда Предвѣчный приникъ устами ко лбу Моисея, и въ поцѣлѣу семь вышла душа и, грустная, вознеслась на небо.

Печальное облако покрыло вселенную, и въ небѣ послышались слова:

— Кто останется на землѣ, чтобы дать людямъ знаніе и миръ?

И земля восплакала:

— Я потеряла святого.

Народъ рыдалъ:

— Мы лишились пастыря!

— Маловѣры!—раздался голосъ Всесильнаго.—Только теперь вы имѣете святого и только теперь вы имѣете пастыря!..

Гликерія Николаевна Позднякова-Федотова.

Очеркъ А. В. Стернъ. (Съ портр. на стр. 13).

Въ 1862 г. мнѣ молодой дѣвушкой пришлось зимою быть въ Москвѣ, и я впервые познакомилась съ знаменитымъ Малымъ театромъ, гдѣ въ то время подвизались такія силы, какъ Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Медвѣдева и Васильева. Я, конечно, восторженно относилась ко всѣмъ упомянутымъ большимъ артистамъ, но мое молодое вниманіе было особенно привлечено только-что восходящей тогда звѣздочкой—16-лѣтней воспитанницей Поздняковой, впервые выступившей 8 января 1862 г. въ пьесѣ Боборыкина „Ребенокъ“.

Боже мой, какъ это было давно—прошло полвѣка. И между тѣмъ, какъ теперь, передъ глазами прелестный образъ этой дѣвушки-ребенка во всей его простотѣ и безыскусственности,—ребенка, умѣвшаго въ 15—16 лѣтъ чувствовать и переживать трагедію жизни.

Особенно помню Позднякову въ драмѣ Потѣхина „Мишура“. Пьеса была обставлена лучшими силами: Владимира Пустозерова, героя пьесы, игралъ Шумскій, его секретаря, взяточника Побѣдинскаго—Садовскій. Юная Позднякова играла дочь Побѣдинскаго, Дашеньку, которую отецъ, несмотря на всю свою любовь къ ней, подсовываетъ своему молодому начальнику, надѣясь этой безденежной взяткой обѣлиться передъ нимъ.

Дѣвушка увлекается молодымъ бюрократомъ, онъ кажется ей идеаломъ безкорыстія и всякихъ добродѣтелей. Но онъ ей не пара,—это знаетъ умная головка. И вначалѣ Дашенька борется со своимъ чувствомъ.

Врожденная веселость, насмѣшливость, борьба съ любовью—все это было проведено молодой воспитанницей и тонко, и просто, и изящно. Когда же началась драма, когда, вся объятая любовью, страстью, отдавая уже Пустозерову, дѣвушка узнаетъ, что онъ намѣренъ покинуть ихъ захолустный городъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ,—юная Позднякова доходила до потрясающаго трагизма. И теперь блѣднѣю, вспоминая тотъ моментъ драмы, когда для дѣвушки становится яснымъ, кому она отдала свою душу, въ ушахъ моихъ какъ будто еще звучитъ отчаянный вопль. Я вижу весь этотъ преобразившійся образъ. Не одинъ свой позоръ переживаетъ она,—нѣтъ, есть нѣчто ужаснѣе позора: покровъ съ ея кумира палъ, она видитъ всю его неприглядную сущность.

Ей было всего 16 лѣтъ, этой маленькой воспитанницѣ, но какъ сильно она чувствовала, съ какимъ поразительнымъ трагизмомъ умѣла передать свое чувство!

Уже тогда она умѣла заразить слушателя силой своего душевнаго подъема, и этотъ слушатель и зритель, благодарный за

то хорошее, чтѣ будила она въ душѣ его, полюбилъ Позднякову еще дѣвочкой..

Уже тогда мы чувствовали, что она наша сестра, родная, близкая намъ душа; мы уже тогда предугадывали, что нашу радость, наше горе, ненависть нашу, наше негодованіе и отчаяніе—все она пойметъ и сумѣетъ передать правдиво и сильно. Да, мы полюбили ее еще дѣвочкой..

Шли годы. Позднякова-Федотова росла, и росъ прекрасный талантъ.

Кромѣ таланта, ей дана была природой необыкновенная чуткость сердца, и данъ былъ большой, всеобъемлюцій умъ. Этотъ умъ, свѣтлый, свободный и ясный, помогъ Федотовой поборотъ пробѣлы образованія. Она читала много со свойственной ей вдумчивостью и во всѣхъ областяхъ литературы и науки.

Къ твореніямъ великихъ и малыхъ писателей, въ пьесахъ которыхъ ей приходилось играть, она относилась бережно, скажу: почти нѣжно, и въ этомъ помогала ей чуткость сердца, какая-то боязнь къ грубымъ прикосновеніямъ. И одновременно она разбирала каждую черточку, относилась критически къ каждому положенію, въ чемъ служилъ ей большой просвѣщенный умъ.

И какъ играла она!

Вспомните, старики, Катерину въ „Грозѣ“, Василису Мелентьевну, Катерину въ „Укрощеніи строптивой“. Какіе жизненные образы, какая мощь въ изображеніи характеровъ, какое тонкое переживаніе чувствъ!

Во всѣхъ этихъ женскихъ образахъ она, казалось, отыскивала самое лучшее, чтѣ въ нихъ было вложено авторомъ, и влагала въ нихъ свою собственную душевную красоту, заставляя насъ любить ихъ..

Но къ чему тревожить это дорогое прошлое, къ чему разбирать... Мы получили наслажденіе и говоримъ: спасибо.

Въ настоящее время Гликерія Николаевна больна, не выѣзжаетъ изъ дома, почти прикована къ своему креслу. Но больная, слабая физически, она сильна духомъ и, любя выше мѣры искусство, которому отдала всю жизнь, она и теперь отдаетъ свои досуги ему же: Молодежь, приходи и учись!

Никому отказа въ совѣтахъ и наставленіяхъ. Она какъ будто оживаетъ, слушая, преображается, читая, чтѣ когда-то играла сама.

И изъ всѣхъ театровъ Москвы идутъ молодые служители Мельпомены къ этому умному, чуткому, вдумчивому наставнику.

Живите же долго, Гликерія Николаевна, на утѣшеніе намъ, старикамъ, и на пользу молодому поколѣнію и знайте, что мы любимъ васъ.

„Допотопный человѣкъ“

Очеркъ Е. Лондона. (Съ 6 рис. на стр. 15).

Чрезвычайно интересный вопросъ о времени появленія человѣка на землѣ представляетъ огромныя трудности для своего разрѣшенія. Въ силу прежнихъ теорій, допускавшихъ возможность ряда катастрофъ, вызывающихъ перемѣны внѣшняго облика земли и ея обитателей, представлялось невѣроятнымъ, чтобы гдѣ-либо могли сохраниться останки первобытнаго человѣка. Однако

съ теченіемъ времени число подобныхъ находокъ постепенно увеличивалось, и въ настоящее время имѣются добытыя при раскопкахъ какъ отдѣльныя части первобытнаго человѣка, такъ и цѣлые скелеты въ обстановкѣ, допускающей возможность возстановить какъ типъ прежняго человѣка, такъ и образъ его жизни. Въ то же время уже существуютъ данныя, по которымъ

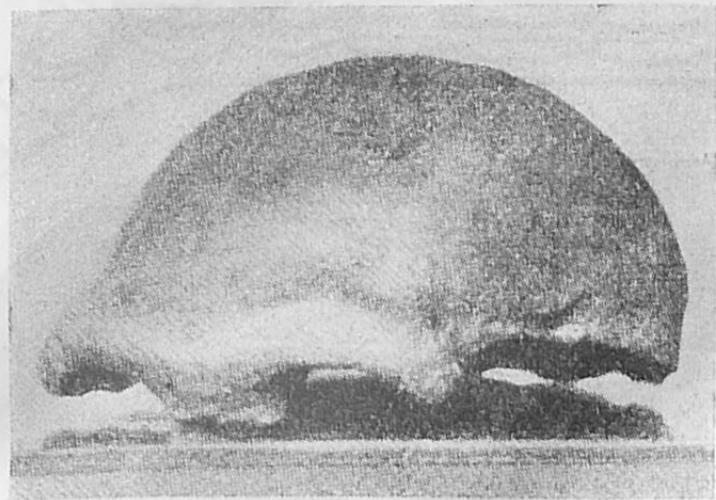

Рис. 1. Черепъ первобытнаго человѣка, найденный въ Неандерталь.

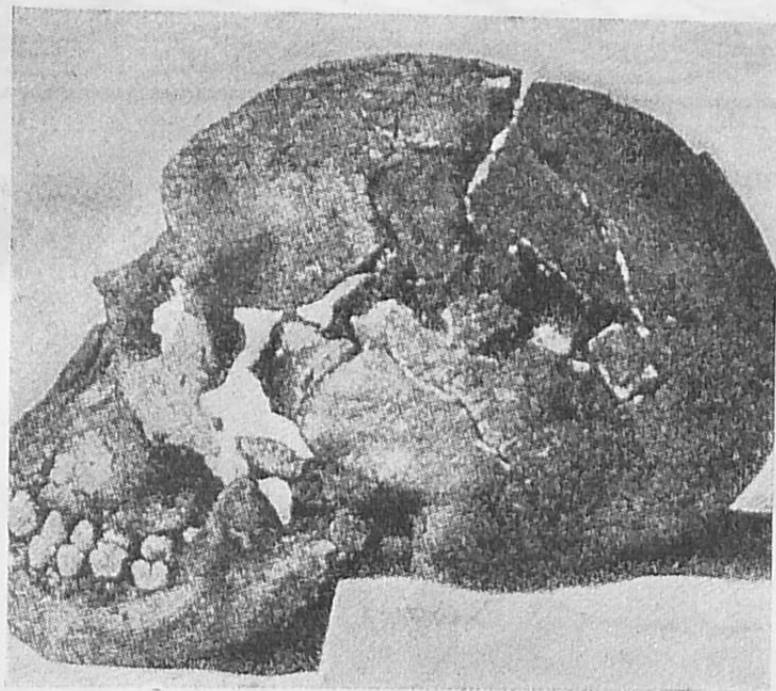

Рис. 2. Черепъ, давность котораго опредѣляютъ въ 400.000 лѣтъ.

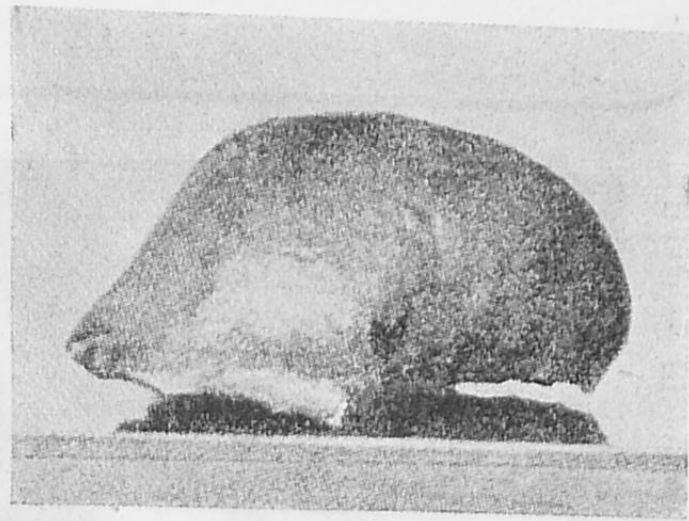

Рис. 3. Черепъ человѣкообразной обезьяны.

можно приблизительно вычислить періодъ времени, протекшій послѣ существованія человѣка, останки котораго посчастливилось найти. Какъ извѣстно, первый слѣдъ первобытнаго человѣка удалось найти въ Неандерталь, въ южной Германіи, въ 1856 году. Эта находка доказала существованіе человѣка въ Европѣ въ ледниковый періодъ. Останки первобытнаго человѣка того же періода найдены въ Гибралтарѣ, Кроации, Бельгii. вмѣстѣ съ тѣмъ на островѣ Ява былъ найденъ черепъ, составляющій по своимъ особенностямъ какъ бы переходную ступень отъ человѣка и приближающійся къ типу обезьяны. Этотъ „Питекантропусъ“ могъ быть по теоріи Дарвина родоначальникомъ человѣка. Что касается типа неандертальнаго человѣка, то послѣдній уже вовсе не находился въ такомъ переходномъ состояніи и приближался къ типу современнаго человѣка. Его особенности внѣшне совпадаютъ съ тѣми, которыя можно встрѣтить въ существующихъ въ настоящее время расахъ, стоящихъ на низшей ступени развитія. Вѣроятно, какъ это показываютъ точныя изслѣдованія, неандертальскій человѣкъ имѣлъ широкое лицо съ массивными челюстями. Надвигающійся впередъ лобъ придавалъ болѣе глубокому положенію глазамъ; широкій носъ также выдѣляется

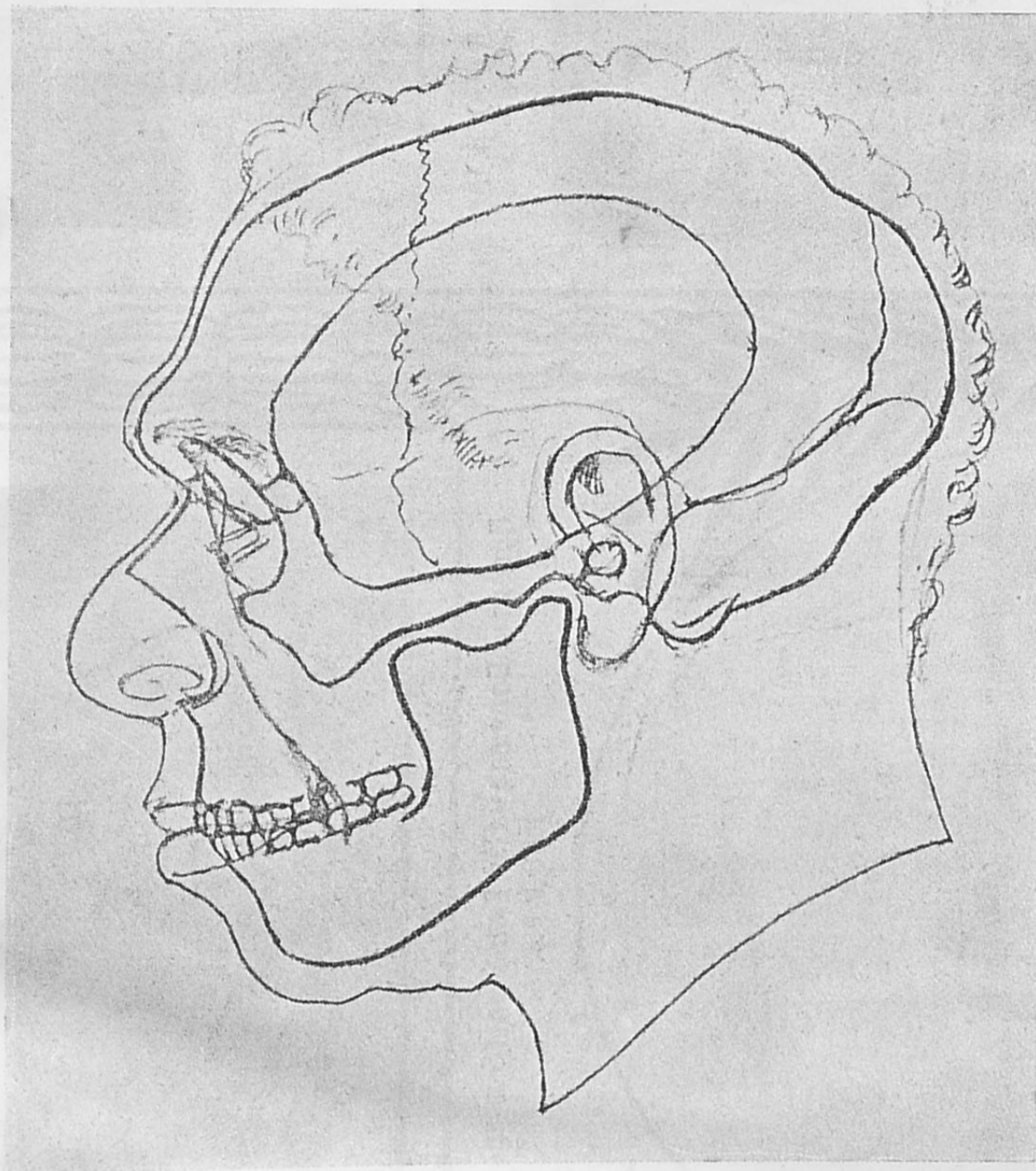

Рис. 4. Черепъ и профиль лица первобытнаго человѣка.

вѣроятно, лишь мало различался отъ способа современнаго человѣка.

Особенный интересъ представляетъ изученіе остатковъ нижней челюсти, имѣющее отношеніе къ вопросу о возможности членораздѣльной рѣчи. Такъ какъ мускулы, прикрѣпляясь къ костямъ, оставляютъ различнаго рода углубленія и шероховатости, то по большому или меньшему развитію этихъ неровностей можно составить понятіе о развитіи тѣхъ или другихъ группъ мышцъ, приводящихъ въ движеніе языкъ. Въ этомъ отношеніи результаты изслѣдованія указываютъ на значительную разницу между первобытнымъ и современнымъ человѣкомъ. Можно считать, что первобытный человѣкъ обладалъ уже способностью рѣчи въ примитивной формѣ, но значительно отличающейся отъ выработанной рѣчи современнаго человѣка.

На рис. 4 можно видѣть контуры черепа доисторическаго человѣка и возстановленный профиль лица, не представляющій особенно рѣзкой разницы по сравненію съ современнымъ человѣкомъ. Попытки изобразить первобытнаго человѣка на основаніи сдѣланныхъ находокъ его скелета и отдѣльныхъ костей, въ видѣ существа, составляющаго переходную стадію между человѣкомъ и обезьяной, слѣдуетъ признать ложными. Рис. 5

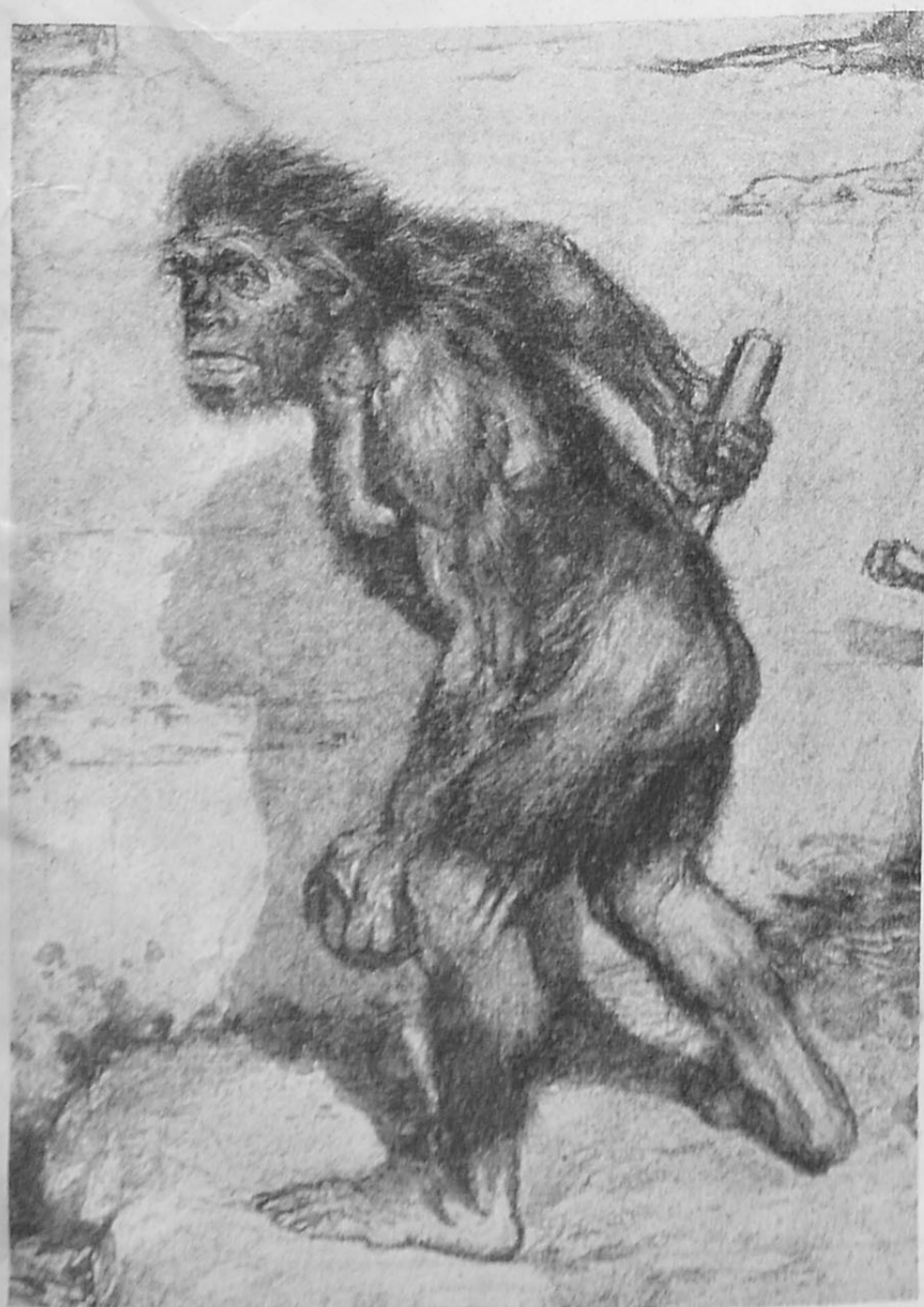

Рис. 5. Типъ человѣка, приближающагося къ типу гориллы, ошибочно предполагаемый существовавшимъ въ теченіе ледниковаго періода.

впередъ, какъ у негритянскихъ расъ. Особенно интересно, что вмѣстимость черепа и предполагаемый объемъ мозга соответствуютъ размѣрамъ, существующимъ у средняго современнаго европейца. Мускулистые руки и кисти ихъ должны были находить такое же употребленіе, какъ и у современнаго человѣка, какъ это можно судить по фигурѣ скелета и его осанкѣ. То же самое приходится сказать относительно способа ходьбы, который,

дастъ такое изображеніе первобытнаго человѣка, похожаго болѣе на гориллу. На самомъ дѣлѣ болѣе вѣроятнымъ является типъ, изображенный на рис. 6, гдѣ первобытный человѣкъ представленъ уже имѣющимъ обликъ современнаго человѣка, но только въ болѣе грубой формѣ. Вопросъ относительно давности существованія человѣка на землѣ, представляющій огромный интересъ, можетъ быть уже разрѣшенъ.

Несомнѣн-

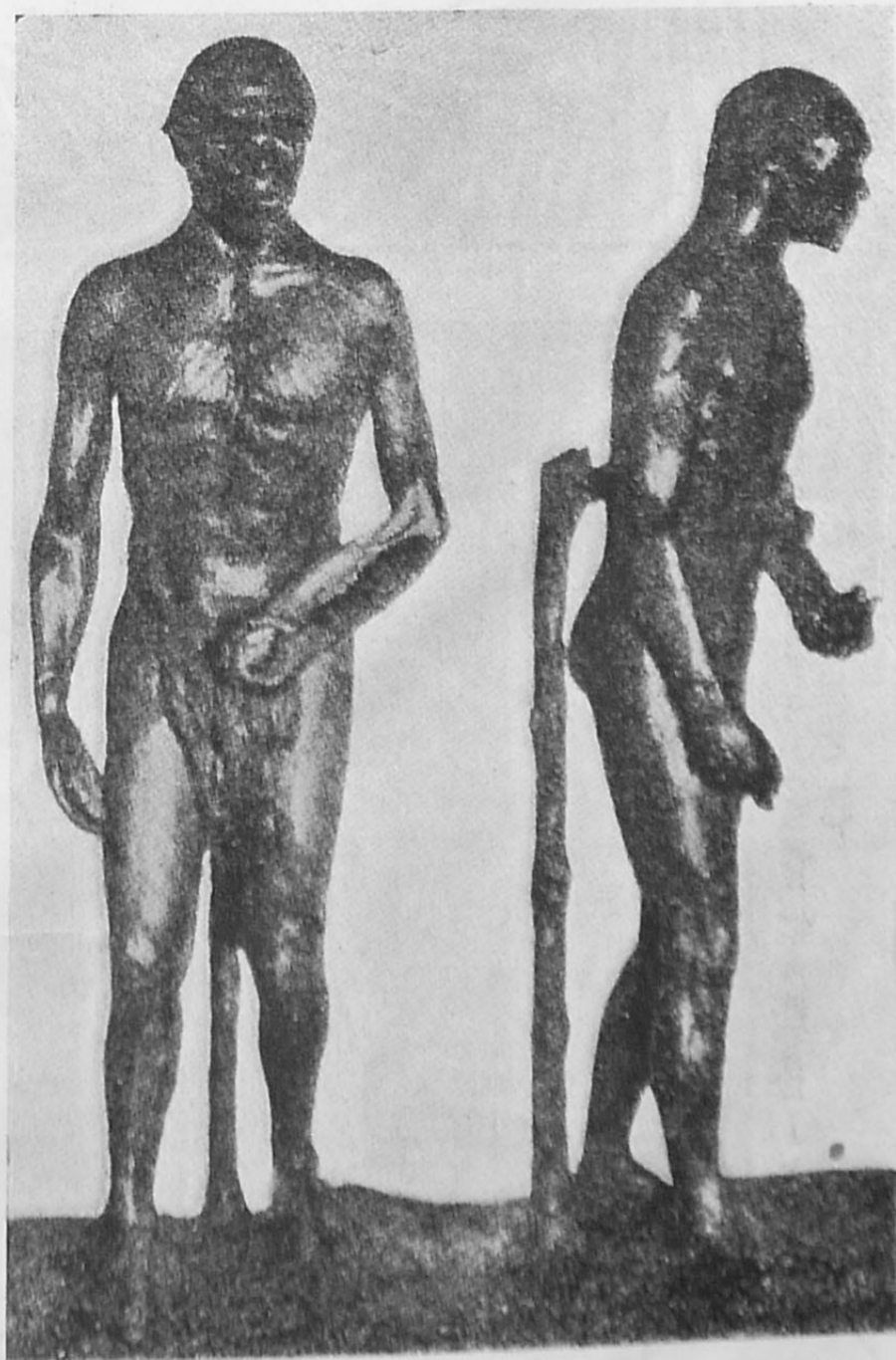
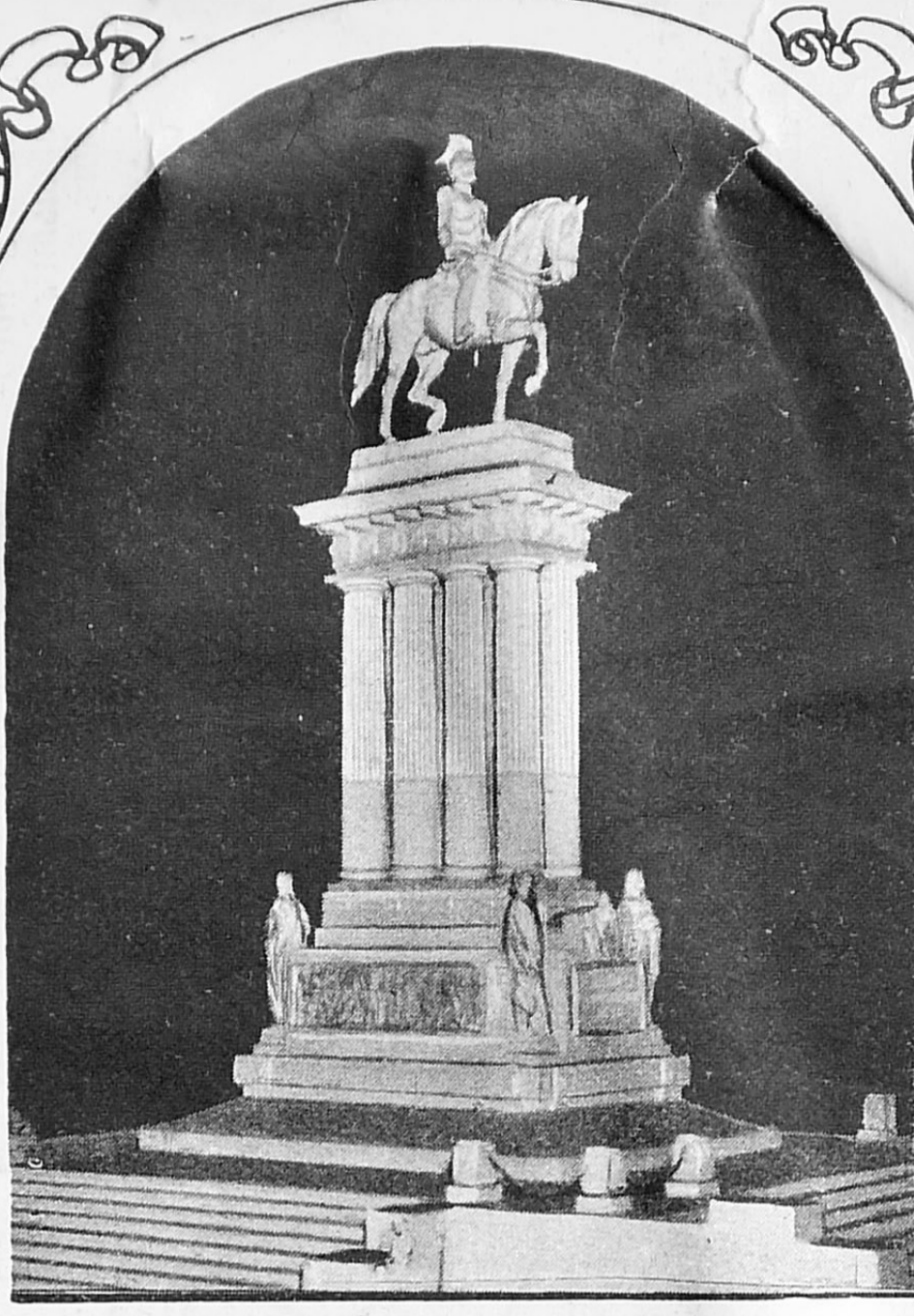

Рис. 6. Человѣкъ неандертальскаго типа, возстановленный на основаніи точнаго изученія его останковъ.

Проект Романелли (1-я премія—5.000 р.).

Проект Бернштама и Гильбера (5-я премія—1.000 р.).

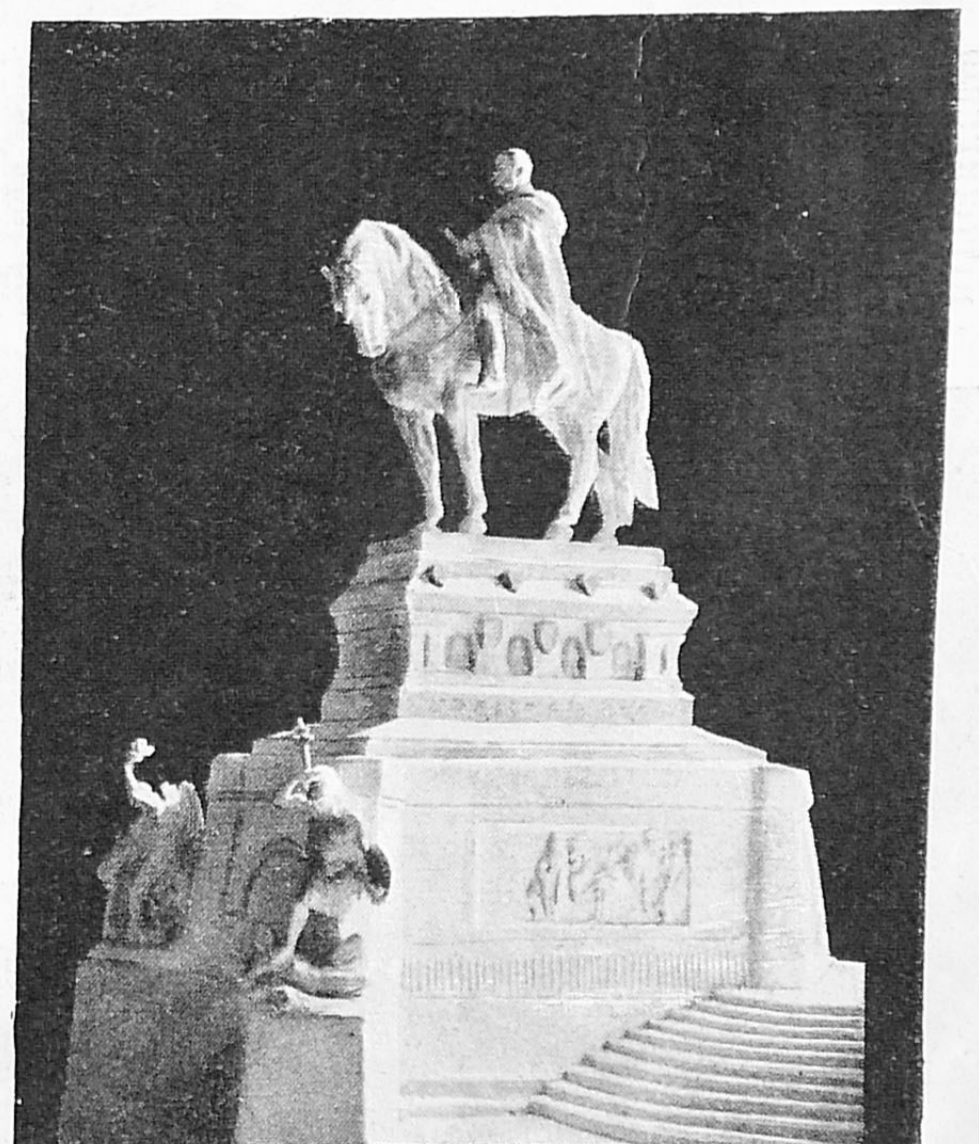
Проект Ориго (2-я премія—4.000 р.).

Проект Шартино (внѣ конкурса, вслѣдствіе невыполненія нѣкоторыхъ условій конкурса).

Проект Сологуба, Лаврова и Лишева (4-я премія—2.000 р.).

Проект Маркунъ и Креннера (3-я премія—3.000 р.).

но, что человекъ имѣеть огромную давность, которую вычисляютъ въ сотни тысячъ лѣтъ. Для того, чтобы опредѣлить періодъ времени существованія находимаго скелета, пользуются вычисленіемъ толщины слоя отложившихся надъ мѣстомъ находки напластованій. Опредѣляя время, которое понадобилось для того, чтобы отложился слой известной толщины, мы и получимъ конечно, приблизительно давность, протекшую со времени существованія погибшаго человекъ. Понятно, что въ томъ случаѣ, когда кости находятъ въ пещерахъ, такое вычисленіе становится невозможнымъ, и протекшій періодъ времени остается неизвѣстнымъ. Останки человекъ неандертальскаго типа, найденные въ Гейдельбергѣ, расположены на глубинѣ восьми-десяти семи футовъ отъ поверхности земли. Для того, чтобы образовался такой мощный слой напластованій, по вычисленію геологовъ, требуется огромный періодъ времени—по крайней мѣрѣ въ 500.000 лѣтъ. Такимъ образомъ человекъ имѣеть огромную давность своего существованія на землѣ, опредѣляемую въ пол-

милліона лѣтъ. Человекъ неандертальскаго типа существовалъ въ Европѣ въ теченіе ледниковаго періода, тянувшагося сотни тысячъ лѣтъ. Эволюція человекъ потребовала огромнаго періода времени, въ теченіе котораго человекъ получилъ индивидуальныя отличія, способствующія образованію различныхъ расъ, и отъ первобытнаго типа дошелъ до высокой степени развитія современнаго человекъ. Уже задолго до нашего времени человекъ неандертальскаго типа представлялся расой, обладающей известной степенью развитія. Что же касается примитивнаго человекъ, образовавшаго переходныя стадіи и приближавшагося болѣе къ типу обезьяны, то время его существованія отодвигается на безконечно далекое время, о которомъ въ настоящее время трудно составить опредѣленное понятіе. Во всякомъ случаѣ установленный фактъ огромной давности типа современнаго человекъ представляется въ высокой степени интереснымъ, указывая на чрезвычайную постепенность въ ходѣ развитія человекъ.

Проекты памятника Царю-Освободителю въ Петербургѣ. (Съ 6 рис. на стр. 16).

Болѣе четверти вѣка тому назадъ возникла мысль воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ Царю-Освободителю, Императору Александру II, и увѣковѣчить такимъ образомъ и свѣтлый обликъ Царя и всѣ реформы его царствованія.

Еще въ 1885 году состоялся конкурсъ проектовъ этого памятника. Въ конкурсѣ этомъ участвовали известные художники и скульпторы, но ни одинъ изъ доставленныхъ ими проектовъ не былъ признанъ достойнымъ осуществленія. Годъ тому назадъ состоялся послѣ многолѣтняго промежутка второй конкурсъ, участниками котораго, какъ и въ первомъ конкурсѣ, явились только русскіе художники. Однако и этотъ конкурсъ оказался неудачнымъ по своимъ результатамъ.

Наконецъ въ послѣднее время былъ объявленъ третій конкурсъ—международный. Участіе въ немъ приняли художники всего міра, и въ присланныхъ ими проектахъ оказались всевозможныя художественныя школы и направленія. Большинство же проектовъ, и притомъ лучшихъ, оказались присланными изъ классической страны художественной красоты—изъ Италіи.

Присланные проекты были выставлены въ манежѣ при Мраморномъ дворцѣ. Всего было представлено на конкурсъ и выставлено 93 модели изъ гипса и 24 чертежныхъ проекта и акварельныхъ рисунка. Посѣтители этой интересной выставки могли ознакомиться какъ съ премированными, иначе говоря, признанными наилучшими проектами, такъ и со всею массой присланныхъ на конкурсъ проектовъ, среди которыхъ оказалось много прекрасныхъ и художественныхъ проектовъ, забравшихъ комиссіей конкурса только по чисто формальнымъ основаніямъ.

Первую премію получилъ проектъ итальянскаго художника Рафаэля Романелли изъ Флоренціи. Въ этомъ проектѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе прелестная фигура коня, выгнѣпленнаго необычайно живо. Хороша также и мощная фигура Императора Александра II. Эта безспорно красивая скульптурная группа отличается полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо символическихъ изображеній, въ которыхъ можно было бы видѣть образы и идеи государственной дѣятельности Царя-Освободителя.

Этому требованію до известной степени удовлетворяетъ проектъ итальянскаго же скульптора Клементо Ориго (тоже изъ Флоренціи), которому присуждена вторая премія. Въ этомъ проектѣ много символическихъ фигуръ, отличающихся красотой линий. Къ сожалѣнію, въ аллегорическихъ фигурахъ памятника не чувствуется народнаго русскаго духа и стиля.

Третью премію заслужилъ проектъ венгерскихъ художниковъ Маркунъ и Креннеръ изъ Будапешта. Проектъ этотъ довольно грандіозенъ по своему архитектурному построению: онъ имѣеть красивую площадку и лѣтницы кругомъ постаменту. Интересно задуманы на немъ и аллегорическія фигуры. Но общій видъ его нѣсколько тяжеловатъ.

Русскимъ художникамъ досталась на этотъ разъ только четвертая премія. Авторами четвертаго премированнаго проекта оказались художники Л. Сологубъ (архитекторъ) и И. Лавровъ и В. Лишевъ (скульпторы). Созданный ихъ коллективнымъ творчествомъ памятникъ имѣеть довольно скромный видъ: конная фигура на очень простомъ пьедесталѣ, лишенномъ какихъ-либо украшеній и символики. Но большимъ достоинствомъ этого русскаго проекта является фигура самого Царя, очень жизненная и походящая.

Наконецъ пятая премія досталась скульптору Л. Бернштаму и Альберту Гильберу въ Парижѣ. Ихъ памятникъ производитъ впечатлѣніе своей архитектурной мощностью и величіемъ: фигура Царя-Освободителя поставлена на высокой и красивый постаментъ и изящна сама по себѣ. Но врядъ ли окажется удобнымъ выполненіе этого прекраснаго проекта: онъ не подходит по своимъ архитектурнымъ условіямъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагается постановка памятника. Высокій постаментъ памятника грозитъ закрыть окрестныя зданія.

Но едва ли не самымъ интереснымъ и красивымъ проектомъ является группа, присланная на конкурсъ подъ девизомъ „Liber-tas“ и оставшаяся по чисто формальнымъ условіямъ внѣ конкурса: авторъ не представилъ нѣкоторыхъ требуемыхъ ус-

конкурса чертежей и только поэтому былъ лишенъ права конкурировать. Между тѣмъ этотъ проектъ по своимъ художественнымъ качествамъ стоитъ чуть ли не выше всѣхъ премированныхъ группъ.

Возникаетъ вопросъ: который же изъ всѣхъ этихъ проектовъ получить осуществленіе? Вопросъ этотъ пока остается нерѣшеннымъ. И третій конкурсъ въ данномъ случаѣ не сказалъ рѣшительнаго слова. Въ сущности, ни одинъ изъ премированныхъ проектовъ не можетъ быть принятъ къ осуществленію безъ измѣненій и поправокъ.

Во всякомъ случаѣ важность и необходимость такого памятника, какъ памятникъ Императору Александру II, съ именемъ котораго связана одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ русской исторіи, давно признаны всѣми, и всѣмъ понятно, что необходимо создать нѣчто безусловно художественное и величавое.

Мѣстомъ для новаго памятника отведена часть Михайловской площади противъ новаго зданія Русскаго Музея. На памятникъ уже собрана громадная сумма въ 500.000 р. И теперь все дѣло въ подходящемъ проектѣ.

50-лѣтіе книгоиздательства К. Л. Риккеръ.

(Съ портр. на стр. 18).

Извѣстная книгоиздательская фирма К. Л. Риккеръ отпраздновала 17 декабря истекшаго года свое полувѣковое существованіе.

Съ именемъ этой фирмы связано представленіе о многочисленныхъ превосходныхъ изданіяхъ различныхъ научныхъ, преимущественно медицинскихъ, сочиненій. К. Л. Риккеръ и наука—почти синонимы. Издательская дѣятельность этой почтенной фирмы во многихъ случаяхъ являлась не чѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ меценатствомъ ученію и учености. Просвѣтительная дѣятельность этого книгоиздательства заслуживаетъ величайшаго уваженія, и на полувѣковой юбилей ея недаромъ отозвались симпатизирующимъ вниманіемъ почти всѣ научные круги въ Россіи.

Существованіе и развитіе этого крупнаго книгоиздательскаго предпріятія цѣликомъ связано съ именемъ покойнаго основателя и главы фирмы, Карла Леопольдовича Риккера. Скончавшійся 16 лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ К. Л. Риккеръ былъ уроженцемъ Германіи. Онъ родился въ 1833 году въ Гоаргаузенѣ на Рейнѣ, въ семьѣ врача. Несмотря на тяготѣніе къ медицинскимъ знаніямъ, К. Л. Риккеръ, согласно желанію отца, долженъ былъ посвятить себя торговлѣ. Свои молодые годы онъ провелъ въ изученіи книгоиздательскаго дѣла у извѣстныхъ тогдашнихъ нѣмецкихъ книготорговцевъ и издателей, и въ ихъ числѣ у своего дяди, А. Риккера, извѣстнаго книгоиздателя въ Гессенѣ. Въ 1858 году К. Л. Риккеръ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ завѣдывать извѣстной тогда книжной торговлей А. Мюнкса. И съ той поры онъ остался въ Россіи, и она стала ему вторымъ отечествомъ.

Въ 1861 году, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, К. Л. Риккеръ купилъ предпріятіе Мюнкса и далъ этой книжной торговлѣ свое имя. И вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ дѣло на новыхъ началахъ. Фирма Мюнкса занималась продажей исключительно иностранныхъ книгъ, преимущественно учебниковъ и руководствъ по различнымъ отраслямъ знаній. Молодой и предпримчивый К. Л. Риккеръ расширилъ дѣло, устроивъ въ своемъ магазинѣ отдѣленіе русскаго литературы, и сталъ выпускать въ свѣтъ переводы на русскій языкъ извѣстнѣйшихъ заграничныхъ сочиненій, преимущественно въ области медицины. Не нашедшая прямого удовлетворенія любовь къ медицинскимъ знаніямъ вылилась у К. Л. Риккера въ стремленіе издавать медицинскія сочиненія и такимъ образомъ помогать медицинѣ и медицинскому образованію. К. Л. Риккеръ, можно сказать, обогатилъ русскую медицинскую литературу: онъ далъ ей множество прекрасныхъ изданій, для перевода которыхъ съ европейскихъ языковъ онъ привлекъ многихъ специалистовъ и ученыхъ. Позднѣе онъ издавалъ и оригинальныя сочиненія русскихъ ученыхъ, и мы не ошибемся, если скажемъ, что всѣ почти наиболѣе выдающіяся и классическія сочиненія по медицинѣ, появившіяся въ Россіи за послѣднія 50 лѣтъ, обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ фирмѣ К. Л. Риккеръ. Къ Риккеру шли всѣ тѣ, кто предпринималъ крупный научный трудъ и не имѣлъ средствъ для его опубликованія. И Риккеръ издавалъ подобныя труды сплошь и рядомъ съ убыт-

комъ для себя, руководясь только полезностью и научной значительностью издания... Это был издатель-идеалист, ставивший на первый план общественное и научное значение предпринимаемых имъ изданий, а не собственную выгоду.

Количество выпущенныхъ фирмой К. Л. Риккеръ изданий колоссально. Въ 1862 году фирма предприняла издание одного изъ первыхъ въ Россіи специальныхъ журналовъ: „Фармацевтического Журнала“. Позднѣе К. Л. Риккеръ сталъ выпускать свой первый ежегодникъ — „Фармацевтический Календарь“. Еще позднѣе ему было предоставлено право издания „Россійской фармакопей“, „Аптекарской таксы“ и другихъ специальныхъ изданий, имѣющихъ такое обширное примѣненіе въ медицинскихъ кругахъ. Онъ же сталъ выпускать и популярнѣйшій „Медицинскій Календарь“, выходящій нынѣ уже 44 выпускомъ и давно сдѣлавшійся неизмѣннымъ спутникомъ каждаго врача.

Изъ періодическихъ изданий и журналовъ, созданныхъ или выходящихъ въ свѣтъ при участіи фирмы К. Л. Риккеръ, можно назвать цѣлый рядъ медицинскихъ журналовъ. Первое же мѣсто среди нихъ безспорно принадлежитъ извѣстной газетѣ „Врачъ“, которая выходила въ свѣтъ съ 1879 года подъ редакціей проф. Манассеина и переименована послѣ его смерти въ „Русскаго Врача“. Кромѣ того, фирмой Риккеръ издавались и издаются „Вѣстникъ Психіатріи“, „Русскій архивъ патологии, клинической медицины и бактериологии“, „Лѣтопись русской хирургіи“, „Обозрѣніе психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологии“ и др. журналы.

Въ болѣе позднее время фирма К. Л. Риккеръ расширила свою дѣятельность изданіемъ специальныхъ сочиненій и по другимъ наукамъ — по технологіи, строительному искусству, механикѣ, инженерному, горному и другимъ знаніямъ, а также по математикѣ, исторіи и педагогикѣ. Число различныхъ изданий, выпущенныхъ фирмой-юбиларшей, включая сюда и излюбленные покойнымъ основателемъ фирмы медицинскія сочиненія, доходитъ до 899.

Фирма К. Л. Риккеръ съ давняго времени состоитъ поставщикомъ и комиссіонеромъ многихъ высшихъ школъ и учреждений, напримѣръ, Военно-Медицинской Академіи, Академіи Наукъ, Императорской Публичной бібліотеки и пр.

Основатель фирмы, К. Л. Риккеръ, скончался шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1895 году. Съ тѣхъ поръ дѣло ведется вдовою покойнаго, О. А. Риккеръ, на прежнихъ основаніяхъ, съ такою же внимательностью къ интересамъ науки, какъ и при покойномъ.

Юбилей фирмы былъ отпразднованъ скромно вслѣдствіе отсутствія издательницы. Фирма получила множество привѣтствій въ рѣчахъ и телеграммахъ отъ различныхъ лицъ и научныхъ учреждений. Въ ознаменованіе 50-лѣтія главою фирмы было пожертвовано 10.000 р. на подарки служащимъ и въ фондъ учрежденной для служащихъ ссудо-сберегательной кассы.

Слѣдуетъ пожелать прекрасному и высокополезному дѣлу покойнаго издателя-гуманиста, Карла Леопольдовича Риккера, дальнѣйшаго процвѣтанія. Пятьдесятъ лѣтъ для такихъ предпріятій еще возрастъ молодости. Ихъ жизнь должна исчисляться столѣтіями..

Юбилей Электро-техническаго института.

(Съ рис. на стр. 19).

18 декабря с. г. Электро-техническій институтъ Императора Александра III въ С.-Петербургѣ торжественно отпраздновалъ двадцатипятилѣтіе своего существованія.

Четверть вѣка существованія у насъ, въ Россіи, этого высшего питомника инженеровъ-электриковъ несомнѣнно оставила глубокий и серьезный слѣдъ въ дѣлѣ развитія и подъема электро-техники въ Россіи. Основаніемъ же своимъ институтъ былъ обязанъ энергій замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, нынѣ уже покойнаго, Н. Г. Писаревского, по проекту котораго институтъ и былъ основанъ въ 1886 году.

Н. Г. Писаревскій извѣстенъ, какъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей въ исторіи русской техники и, въ частности, въ исторіи телеграфнаго дѣла въ Россіи. При Писаревскомъ, который въ свое время занималъ видный постъ въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ, между прочимъ, былъ проложенъ кабель черезъ Каспійское море; Н. Г. Писаревскій лично подготовилъ все это крупное предпріятіе, и вся работа по прокладкѣ велась подъ его личнымъ

наблюденіемъ. Телеграфныя сношенія въ Россіи развились при Писаревскомъ до необычныхъ въ то время (60-е и 70-е годы) размѣровъ.

Развитіе телеграфнаго дѣла побудило Н. Г. Писаревского заботиться о подготовкѣ достаточнаго числа свѣдущихъ электро-техниковъ и телеграфистовъ. Сложная и съ каждымъ годомъ совершенствующаяся система электрическихъ сношеній требовала, чтобы специалисты электро-техники, завѣдующіе этимъ дѣломъ, были широко образованы въ своей сферѣ. Требовалась обстоятельная научная подготовка телеграфныхъ служащихъ.

И само собою у талантливаго и энергичнаго дѣятеля возникла мысль объ учрежденіи цѣлаго ряда такихъ учебныхъ заведеній, которыя подготовляли бы кадры ученыхъ электро-техниковъ. И не только для нуждъ телеграфнаго вѣдомства — Писаревскій смотрѣлъ на это дѣло гораздо шире — но и для нуждъ русской техники вообще.

Въ 1883 году Н. Г. Писаревскій, занимавшій тогда должность инспектора телеграфовъ, получилъ официальное предложеніе выработать проектъ „Центральной специальной школы“ въ Петербургѣ „для поднятія уровня технического образованія чиновъ телеграфнаго вѣдомства“... Вначалѣ было предположено основать

школу средняго типа, но потомъ, по идеѣ Писаревского, возникло рѣшеніе создать высшее „телеграфное заведеніе“ подъ названіемъ „Телеграфнаго института“. Въ 1885 году Н. Г. Писаревскій разработалъ проектъ этого высшаго учебнаго заведенія, а въ 1886 году этотъ проектъ былъ уже утвержденъ Государственнымъ Совѣтомъ, и въ томъ же году, въ декабрѣ, состоялось открытіе „Техническаго училища почтово-телеграфнаго вѣдомства“. Такъ назывался тогда нынѣшній Электро-техническій институтъ.

Но еще ранѣе того, въ 1885 году, были предварительно учреждены въ Петербургѣ „для примѣра“ особые телеграфные курсы, организациія и руководство которыми были возложены на Н. Г. Писаревского. Успѣхъ, достигнутый этими курсами, въ значительной степени повліялъ на быстрое учрежденіе и открытіе самого института.

Н. Г. Писаревскій былъ не только основателемъ Электро-техническаго института. Онъ былъ и его первымъ директоромъ и много поработалъ потомъ надъ правильной и рациональной постановкой преподаванія въ институтѣ. Скончался онъ въ 1895 году, оставивъ по себѣ въ институтѣ прекрасную память, какъ объ рѣдкомъ педагогѣ...

Съ того времени и донинѣ Электро-техническій институтъ не переставалъ расти и развиваться и выпускать въ жизнь поколѣніе за по-

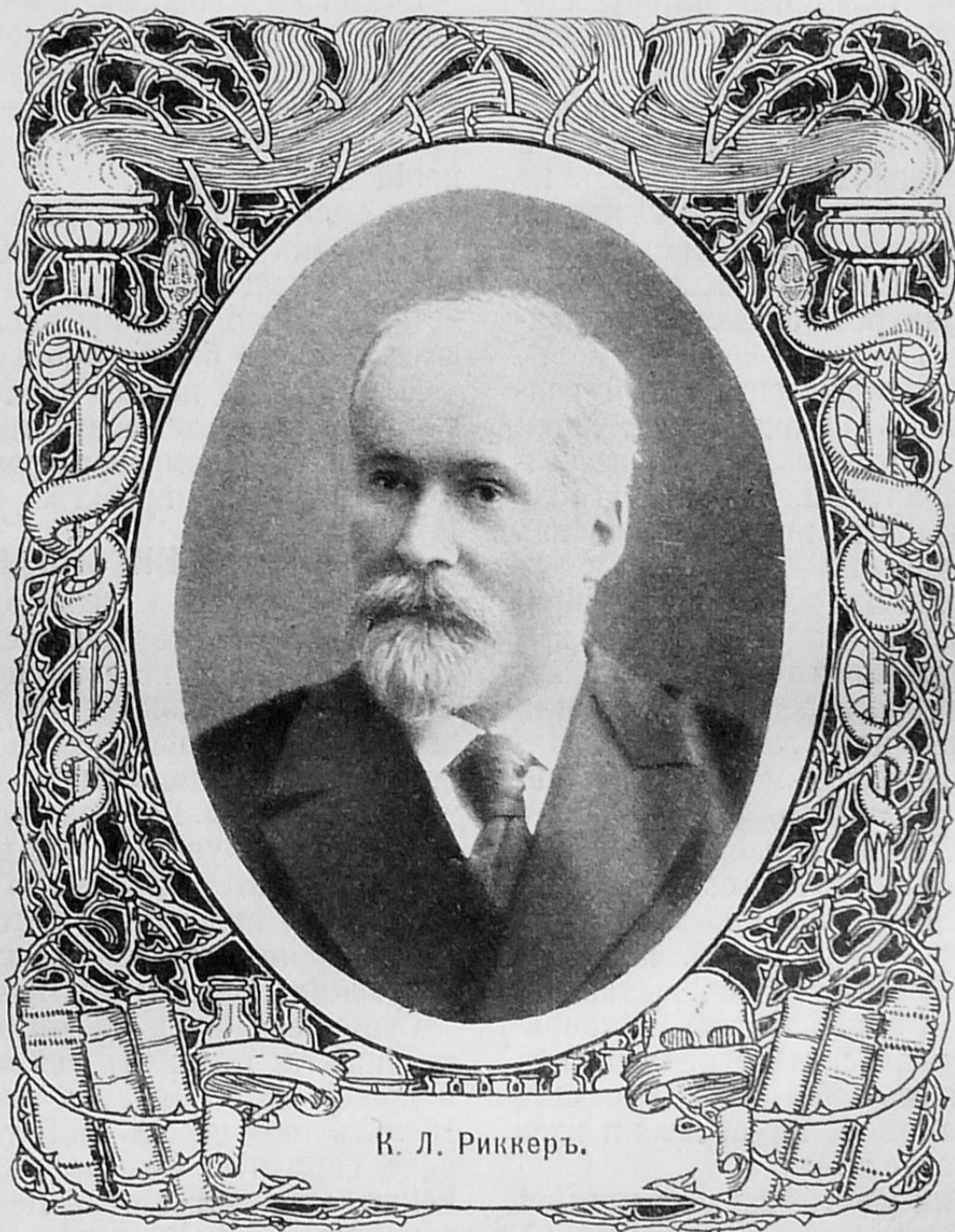
колѣніемъ образованныхъ и великолѣпнымъ собственнымъ зданіемъ и превосходно оборудованными лабораторіями и въ настоящее время представляетъ собою образцовое учрежденіе даннаго типа.

Торжество двадцатипятилѣтія было отпраздновано въ институтѣ весьма пышно. На празднествѣ присутствовали членъ Государственнаго Совѣта И. Л. Горемыкинъ, начальникъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ, М. П. Севастьяновъ, профессоръ и служащіе института, студенты и бывшіе питомцы института. Было произнесено много привѣтственныхъ рѣчей. Одинъ изъ ораторовъ, проф. Шателенъ, пожелалъ институту „развиваться со скоростью передачи сигналовъ безъ проводовъ...“ Профессора П. С. Осадчій, П. А. Пуцинъ и директоръ института проф. Н. Д. Войнаровскій произносили рѣчи научнаго содержанія.

Электро-техническій институтъ является однимъ изъ сравнительно молодыхъ специальныхъ техническихъ заведеній въ Россіи. Но, несмотря на свою относительную молодость, онъ далъ нашей родинѣ множество полезныхъ дѣятелей-специалистовъ. Можно и слѣдуетъ надѣяться, что въ дальнѣйшемъ онъ еще болѣе разовьетъ свою дѣятельность и обогатитъ нашу страну новыми учеными силами и талантами.

Къ рисункамъ.

Россія вступаетъ въ юбилейный годъ: сто лѣтъ тому назадъ наша родина испытала одно изъ величайшихъ историческихъ потрясеній, когда-либо обрушивавшихся на нее. Изъ этихъ испытаній, какъ сожженная Москва изъ огня, Россія вышла съ честью и славой. Великая эпопея „двѣнадцатаго года“ оставила колоссальный слѣдъ и въ литературѣ и въ искусствѣ — и нынѣшній „двѣнадцатый годъ“, отдѣленный отъ того двѣнадцатаго года сто-

К. Л. Риккеръ.

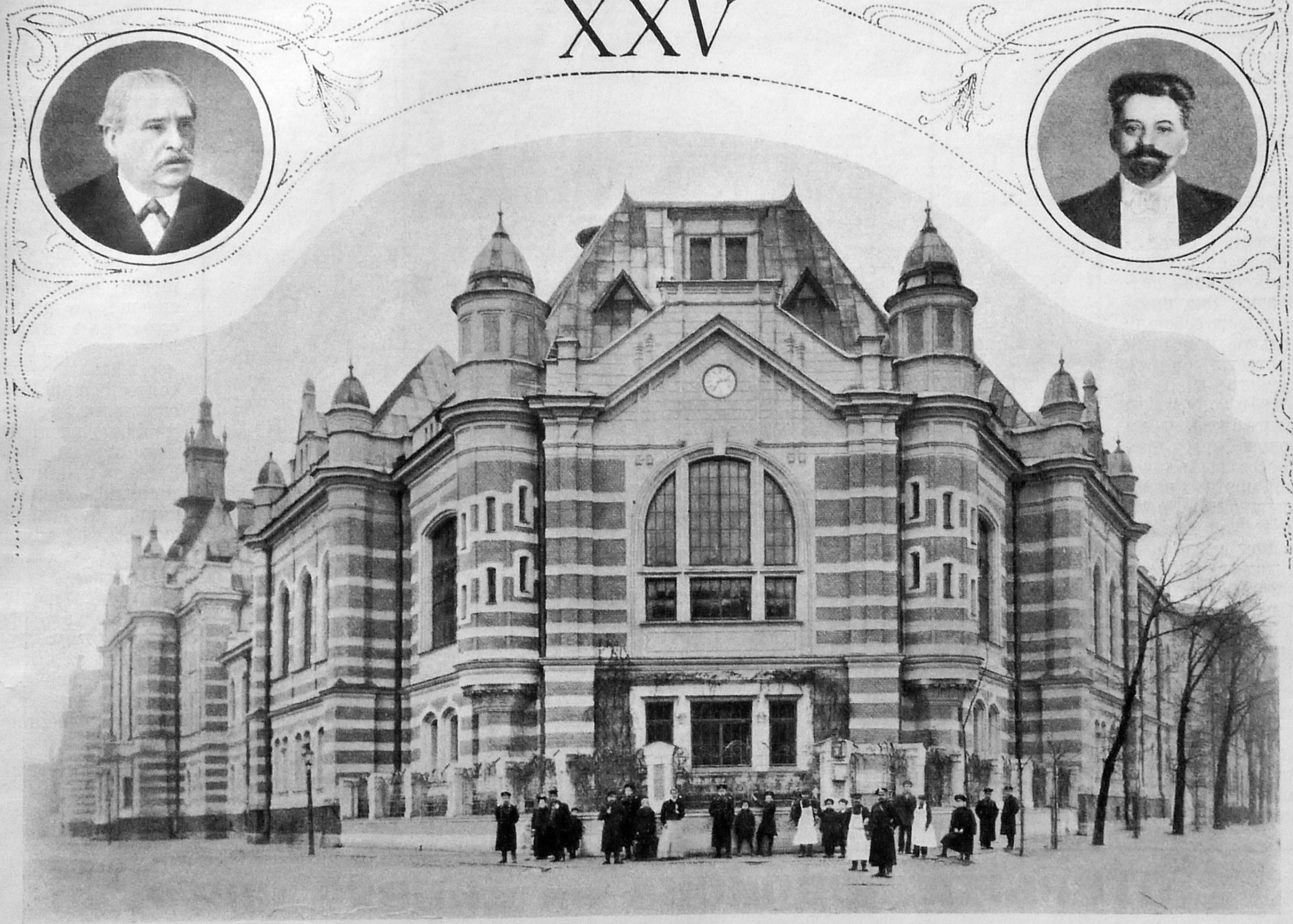
По поводу 50-лѣтія издательства основанной имъ фирмы.

лѣтнимъ промежуткомъ, вспомнить всѣ эти художественныя запечатлѣнія и, быть-можетъ, создать новыя... Въ текущемъ году готовится цѣлый рядъ торжествъ въ честь 1812 года, и этотъ славный „годъ русской славы“ предстанетъ предъ нами въ художественныхъ образахъ и въ цѣломъ рядѣ историческихъ переживаній, запечатлѣнныхъ въ предложенныхъ юбилейныхъ празднествахъ. Откликнется на нихъ въ свое время и нашъ журналъ...

О другихъ, болѣе раннихъ, „годахъ русской славы“ говоритъ намъ картина К. Лебедева „Царевичъ Петръ“. Предъ нами Царь-Преобразователь въ дни своей молодости, когда онъ учился у Лефорта различной научной премудрости. Ученый иностранецъ почтительно показываетъ царевичу астролябію и учитъ его обращаться съ нею. Царственный ученикъ весь поглощенъ этой чудесной заморской выдумкой и не замѣчаетъ шушуканья своихъ

сами по себѣ сильнѣе всякаго оружія. На широкомъ поприщѣ политическихъ комбинацій имъ принадлежитъ рѣшающій голосъ. Благодаря этому военное пораженіе революціонной арміи подъ Хубеемъ и Ханькоу нисколько не помѣшало общему торжеству революціи во всемъ Китаѣ. Прежде всего виновникъ правительственныхъ побѣдъ, генераль Фынгучанъ, былъ немедленно же отозванъ Юаншикаемъ и получилъ другое назначеніе. Затѣмъ, когда оставалось довести его побѣду до конца и завершить разгромъ революціонеровъ взятіемъ ихъ столицы Учана, правительство объявило перемиріе и вступило въ переговоры съ возставшими. Такъ какъ представители возставшихъ провинцій, умышленно затянувшіе почти на цѣлый мѣсяць переговоры, настаивали на установленіи республики и ни за что не хотѣли помириться на конституціонномъ компромиссѣ, всѣ плоды побѣдъ Фынгучана были сведены къ нулю. Въ концѣ мирной конферен-

XXV

25-лѣтіе Электро-техническаго института Имени Императора Александра III въ Петербургѣ. Первый директоръ института— Н. Г. Писаревскій и состоявшій директоромъ института въ день 25-лѣтія П. Д. Войнаровскій. Фасадъ зданія института. По фот. А. Монюшко.

окружающихъ, недовольныхъ этимъ пристрастіемъ царевича къ чужеземцу...

Картина Х. Прелля „Варяги“ исполнена мрачнаго колорита. Бурное море качаетъ смѣлую норвежскую ладью, и несутся отважные викинги-варяги въ бурную даль, гдѣ ихъ ждутъ опасности и слава. Быть-можетъ, они несутся и въ далекую Русь, куда ихъ позвали править страной...

„На Иордани“ А. Бучкури—живой и выразительный жанръ, въ которомъ тоже можно видѣть черты историческаго прошлаго. Толпа народа окружаетъ Иордань, черпаетъ освященную воду въ проруби и пьетъ ее. А кругомъ мирный зимній пейзажъ, бѣлыя деревья, занесенное снѣгомъ село... Въ картинѣ А. Бучкури много знанія русскаго народнаго быта...

Крушеніе Китайской имперіи.

(Политическое обозрѣніе).

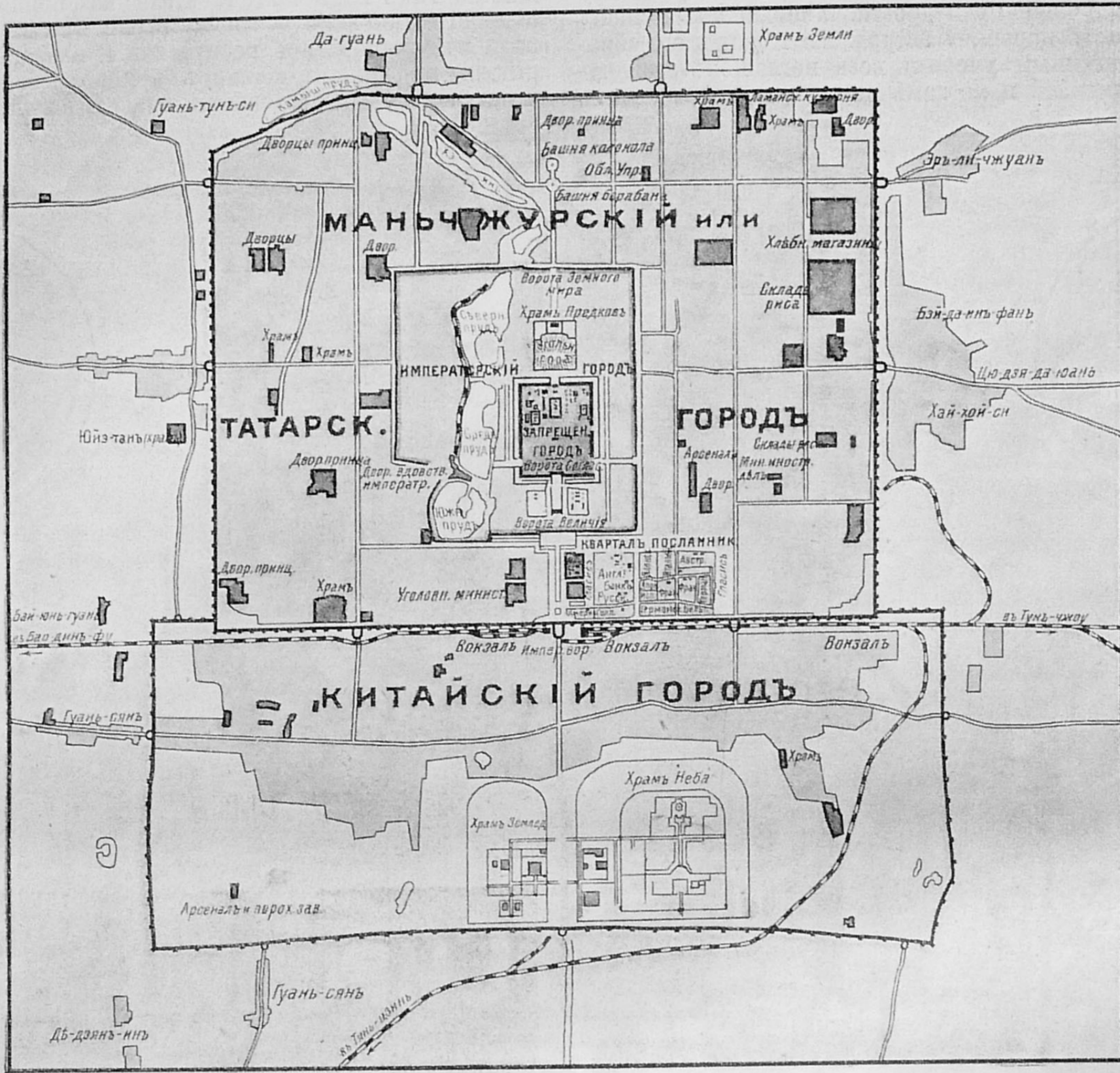
Несмотря на рѣшительное пораженіе, нанесенное имперскими войсками подъ командой рѣшительнаго генерала Фынгучана революціонной арміи подъ Хубеемъ, республиканское движеніе, видимо, одолеваетъ имперіализмъ. На сторонѣ революціи всѣ просвѣщенные элементы Китая, а просвѣщеніе, культура и умъ

уполномоченный имперіалистовъ самъ высказался за необходимость признанія республики и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Настаивая на республиканскомъ образѣ правленія, революціонеры въ то же время предлагали Юаншикаю принять постъ перваго президента Китайской республики. Несмотря на соблазнительность такого предложенія, Юаншикаю все же стояло за монархію, ограниченную парламентомъ, во имя сохраненія цѣлости Китая. Нужно сознаться, что защита Юаншикаю носила скорѣе платоническій и дипломатическій характеръ, такъ какъ онъ сумѣлъ тактикою переговоровъ парализовать всѣ ресурсы военной обороны имперіи и въ концѣ концовъ все же согласился представить вопросъ о формѣ правленія въ Китаѣ на рѣшеніе учредительнаго собранія изъ представителей всѣхъ провинцій. Въ этомъ смыслѣ былъ изданъ отъ имени правительства и вдовствующей императрицы особый указъ, назначающій мѣстомъ національнаго собранія Пекинъ. Однако революціонеры не захотѣли примириться даже и на этой побѣдѣ. Они объявили, что созывать новыхъ представителей нечего, потому что и безъ того представители 18-ти возставшихъ провинцій высказались уже за республику, и только пять сѣверныхъ провинцій остаются вѣрными правительству, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока революціонное движеніе не успѣло еще захватить ихъ населеніе.

Безпристрастные наблюдатели китайской жизни утверждаютъ,

что успѣхи революціи объясняются вовсе не поголовною приверженностью всѣхъ китайцевъ республикѣ, а главнымъ образомъ непримиримую народную ненавистью къ царствующей манчжурской династіи. Династія Дайцинговъ умираетъ подъ тяжестью вѣками накопившихся грѣховъ слѣпотаго деспотическаго управленія, совершенно равнодушнаго къ правамъ и нуждамъ народа. Народъ даетъ правителямъ неограниченную власть надъ собою подъ условіемъ, чтобы они пользовались ею для народнаго блага, если же они не выполняютъ этого условія, то безграничное довѣріе и любовь незамѣтно перерождаются въ народномъ сердцѣ въ непримиримую вражду и ненависть. Последнимъ представителямъ китайской династіи теперь приходится испытывать на себѣ всю тягость этого общемірового историческаго закона, не знающаго исключеній. Ихъ положеніе осложняется еще расовымъ антагонизмомъ между правящими и управляемыми: силу китайской революціи составляетъ ее глубоко національная подкладка. Она представляетъ собою не только народный протестъ противъ дурнаго и антинаціональнаго управленія, не только борьбу прогрессивныхъ теченій противъ неподвижной рутинны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подготовленный вѣками иноплеменинаго гнета стихійный взрывъ китайскаго народа противъ поработившихъ его манчжуръ. Разслабленные многовѣковымъ господствомъ манчжуры сами отчасти слились съ высокою китайскою культурою, отчасти выродились въ безсильную и бездѣльную знать, не способную къ самозащитѣ и вынужденную прибѣгать въ критическую минуту къ

услугамъ выдающихся китайскихъ дѣятелей. Юаншикай, взявшій на себя задачу спасенія династіи, самъ китаецъ по рожденію, и, быть-можетъ, именно этимъ обстоятельствомъ всего правдоподобнѣе объясняется явная двойственность всей его политики. Онъ отстаиваетъ цѣлость Китая, а не манчжурскія привилегіи, и выразилъ готовность продолжать военную защиту манчжурскихъ интересовъ только при условіи, что она будетъ вестись не на счетъ казны, а на средства самихъ манчжуръ. Тогчасъ же велѣдъ за такой постановкой вопроса многіе начальники военныхъ частей изъ дѣйствующей противъ революціонеровъ арміи потребовали, чтобы манчжурскіе принцы, располагающіе огромными капиталами и вкладами, внесли въ банки соответствующія ихъ богатству пожертвованія на военныя нужды. При помощи ихъ капиталовъ и при содѣйствіи германскихъ поставщиковъ и инструкторовъ они, быть-можетъ, еще могли бы бороться съ революціей, которая въ военномъ отношеніи очень не сильна, но двойственная игра Юаншикайа убиваетъ всякую силу сопротивленія. По окончаніи перемирія, революціонныя отряды изъ Кантона и Шанхая двинулись на Пекинъ, а южной имперской арміи въ виду указа о назначенія національнаго собранія данъ приказъ отступить къ Пекину. Главныя ея части двинулись по сѣвернымъ дорогамъ, но три дивизіи не согласились подчиниться приказу и начали перестрѣлку съ революціонерами. Такая глубокая дезорганизация правительственной арміи всего больше гарантируетъ побѣду революціи.

Планъ г. Пекина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, **А. А. ФЕТА,**
А. И. КУПРИНА, **Оскара УАЙЛЬДА.**

12 книгъ „Ежемесячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Безъ доставки въ Петербургъ... **6 р. 50 к.** Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи... **7 р. 25 к.** Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ книж. маг. ОБРАЗОВАНИЕ, Ришельевская, 12... **7 р. 50 к.** Съ доставкой кою въ Петербургъ... **7 р. 50 к.** Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи... **8 р.** За границу... **12 р.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Талантъ погибаетъ. Рассказъ Скитальца (С. Г. Петрова)—Новый Годъ. Стихотвореніе Елены Фетодовой.— Совѣсть. Рассказъ И. Н. Потапенко.—Изъ забытыхъ легендъ И. Тенеромо.—Гликерія Николаевна Позднякова-Фетодова. Очеркъ А. В. Стернь.—„Допотопный институтъ“. Очеркъ Е. Лондона.—Проектъ памятника Царю-Освободителю въ Петербургѣ.—50-лѣтіе книгоиздательства К. Л. Риккерь.—Юбилей Электро-техническаго института.—Къ рисункамъ.—Крушеніе Китайской имперіи (Политическое обозрѣніе).—Заявленіе.—Объявленія.
 РИСУНКИ: Плакатъ „Нивы“ на 1912 г.—Царевичъ Петръ.—Варяги.—На Юрдани.—Г. Н. Фетодова.—„Допотопный человекъ“ (6 рисунковъ)—Проекты памятника Императору Александру II въ Петербургѣ (6 рисунковъ).—К. Л. Риккерь.—25-лѣтіе Электро-техническаго института Имени Императора Александра III въ Петербургѣ.—Планъ г. Пекина.

Къ этому № прилагается: 1) „Ежемес. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за Январь 1912 г.; 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Январь 1912 г. съ 54 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. вынр въ натур. величину и 50 рис. дамскихъ рукодѣлій; 3) ОТРЫВНОЙ (ЕЖЕМЕСЯЧН.) КАЛЕНДАРЬ на 1912 г.

Редакторъ-Изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.